

РЮ МУРАКАМИ

ЭКСТАЗ

Монологи о наслаждении, апатии и смерти

Рю Мураками

Экстаз

«РИПОЛ Классик»

1993

УДК 82/89
ББК 84.5Я

Мураками Р.

Экстаз / Р. Мураками — «РИПОЛ Классик», 1993 — (Монологи о наслаждении, апатии и смерти)

ISBN 978-5-521-00860-5

Роман «Экстаз» , как и скандальный «Все оттенки голубого», ужасно эпатажен и донельзя беспощаден к общественному вкусу и морали. Главный герой — Миясита — не только заядлый наркоман, но и поклонник нимфоманства и садомазохизма. Его глазами читатель и увидит этот страшный мир, от которого он — читатель — содрогнется и захочет обрести устойчивость. Как и герой хочет больше не знать, что такое страх. Книга содержит нецензурную брань.

УДК 82/89

ББК 84.5Я

ISBN 978-5-521-00860-5

© Мураками Р., 1993
© РИПОЛ Классик, 1993

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

36

Рю Мураками

Экстаз

MURAKAMI RYU

Ecstasy

© Murakami Ryu, 1993. All rights reserved

© Издание на русском языке, перевод на русский язык. ООО «Издательство «Пальмира», АО «Т8 Издательские Технологии», 2018

* * *

– А ты знаешь, почему Ван Гог отрезал себе ухо? – спросил бомж, обратившись ко мне по-японски.

Я стоял на тротуаре напротив «СБЖБ» – клуба, который одно время считался храмом музыки панк и нью-вейв. Я работал тогда ассистентом по ракурсам для серии фотографий одного певца, которого все считали уже состоявшимся артистом, нового идола подростков, для которого нам предстояло сделать афиши и снять видеоклип. Нью-Йорк, Даунтаун, квартал Бауэри.

Нью-Йорк! Мне неудержимо захотелось сразу кинуться в «СБЖБ», который был прямо напротив, и по всем остальным клубам и дискотекам города, но меня запрягли на четыре дня безостановочной работы, и за это время мне так и не удалось вырваться даже на часок. Певец был младше меня, парень лет двадцати, и единственное, что он выдал, просмотрев нашу работу с безразличным видом, было: «Что это за фигня? Вы что, не на Тридцать пятой снимаете?» Я не видел в нем ничего гениального: и рожа и мысли – полная посредственность, однако крупная продюсерская компания, устроившая кастинг под лозунгом «Вперед в XXI век», не найдя ничего выдающегося, все же решила создать «героя» из ничего и как следует раскрутить новую звезду. Что до самого героя, то он, для того чтобы подчеркнуть, что он не имеет ничего общего с прочими идолами, которые были до него, везде таскал под мышкой Ницше, Берроуза или, скажем, Артура Кларка. На вопрос: «Ваши любимые исполнители?» – он довольно сухо отвечал: «Дилан, Лу Рид и Руиши Сакамото» – так запросто и, пожалуй, даже не подозревая о том, какой ужас охватил бы всех троих, если бы они его слышали. Словом, можно было и не обладать тонким эстетическим чутьем, чтобы понять, что в данном случае ты имел дело с жалкой подделкой, несмотря на бешеный успех, который новоявленная звезда снискала у толпы безбашенных подростков, пройдя за полгода в Японии через руки выдающегося артиста, оставшегося не у дел из-за слабой раскрутки, недостатка видеоклипов и афиш, – Нью-Йорк, одним словом. Между собой члены группы называли его «мартышкой». Не знаю, правда ли это, но на прослушивании он, кажется, сказал, что был ассистентом у дрессировщика обезьян; все долго смеялись. Мартышка сразу же зацепился за дурацкую идею клипа «Быть на обочине вместе с бомжами», и всем нам пришлось проводить дни напролет в квартале Бауэри в сопровождении двух охранников, которые шатались там, всем своим видом показывая, что не понимают, что они здесь забыли, в то время как мы щелкали фотоаппаратами и снимали клип в окружении вонючих бомжей, от которых несло перегаром.

Через четыре дня мы поняли, что есть разные бомжи. Между собой мы их делили на четыре категории: олдиз, бэби, софты и харды. Олдиз, или старики, – это самые старые, которые почти не двигались; что же до бэби, так называемых детей, то здесь дело было даже не в возрасте, а в состоянии какого-то умственного бессилия, в котором они пребывали постоянно, софты, или тихие, были самыми психологически уязвимыми, при этом самыми услужливыми

и жалкими, готовыми на все ради одной монеты, в то время как харды, или тяжелые, сохраняли нечто вроде гордости, которая заставляла их оставаться в футболках с коротким рукавом даже зимой и никогда не стоять в очереди у «Красного Креста» за бесплатной похлебкой.

– Эй, Миясита! Выбери трех стариков и вели им смотреть в камеру, и если появится вчерашний хард, сразу предупреди охранников.

Мы пользовались этой терминологией между собой, и, естественно, именно бэби и харды доставляли нам больше всего проблем, хотя это и не значит, что, скажем, с тихими было легче справиться. Среди хардов был даже один, который не брал в рот ни капли, читал стихи из битовского периода и даже сам сочинял стихи и рисовал, организовывал демонстрации в пользу прочих бомжей, которым ему почему-то взбрело в голову помогать. Я сразу почувствовал некую близость к хардам и, вероятно из-за неприязни к Мартышке, некое презрение к тихим, которые сделали бы что угодно ради десятки.

А потом этот малый, которого я принял за пуэртиканца, вдруг заговорил со мной по-японски, да еще о Ван Гог! Среди тихих этот тип был самым слабым, он делал все, что ему говорили, и, в отличие от прочих, за ним никогда не замечали, чтобы у него торчала сопля из носа или слезились глаза, вообще ничего отвратного, он был не из тех, кто вдруг, ни с того ни с сего, принимается орать, не тряс своими яйцами у всех на виду, не канючил без конца водки, и потом, именно на него решил опереться режиссер. Это произошло через пять секунд после того, как режиссер крикнул: «Мотор!» Малый только что перешел через улицу, закатывая рукава пальто, с бутылкой в руке – роль, с которой он отлично справлялся. До сих пор он ничем не обнаружил, что понимает по-японски. Он сыграл что просили, и подошел ко мне, улыбаясь. Мы так и стояли рядом – я, поддерживая рукой отражатель, и он с бутылкой виски, время от времени поднося ее ко рту, а потом оценивая взглядом, сколько еще осталось. Когда он вдруг заговорил со мной, я так и подскочил, чуть не уронив отражатель: черт, он, оказывается, знает японский! «Чтоб тебя, о чем ты думаешь, Миясита?» Сцену надо было переснимать, и так как я не отвечал, смущенно выслушивая ругательства режиссера, малый снова спросил:

– Ну, почему Ван Гог отрезал себе ухо?

«Как это могло случиться, чтобы японец стал бомжом? Почему этот парень не заговорил по-японски раньше? Может, совсем лыка не вязал», – думал я, качая головой. И так как я ничего не отвечал, он прибавил шепотом:

– ...А я думал, что ты это знаешь. – Он заржал, а потом снова пересек улицу как надо.

* * *

Каждый вечер мы ужинали в одном и том же японском ресторане, расположенном в нескольких минутах ходьбы от отеля. Холодный тофу стоил здесь четыре с полтиной, тендон, который на вкус был как жареная фанера, – все восемь. Это был мой первый приезд в Нью-Йорк, и я не мог тогда сказать, дорого это было или нет. Мартышка часто говорил за ужином. Темой сегодняшнего вечера было: японцам следует быть более открытыми как в смысле сознания, так и в смысле поведения.

– Правда, японцы, я думаю, как бы отделены от остального мира. Мы ведь, например, говорим, не особо задумываясь, о мире Мифуне, о мире Аяко или Куросавы. Именно это-то и странно! Как если бы греки вдруг заговорили о мире Ангелопулоса или Меркури! Да никогда! Как если бы итальянцы говорили о мире Пазолини или Армани. Вот в чем проблема! Именно эту манеру и надо пересмотреть.

То, что говорил Мартышка, было справедливо. Но когда он говорил, меня это раздражало. На голове у него был розово-голубой гребень, одет он был в выцветшую рубашку, какие были модны в шестидесятых, и джинсы на пару-тройку размеров больше, чем следовало бы.

На ногах – мокасины, какие носил Джордж Харрисон лет тридцать назад в Ливерпуле, а рядом с собой на стол он выложил «Письма Яджа» Берроуза и Гинсберга, которые маялись между ассорти сашими и тарелкой баклажанов под соусом мизо. Словом, как ни странно, он ничем не отличался от прочих посетителей заведения, в большинстве своем японцев, осевших в Нью-Йорке. Я пока не знал Нью-Йорка, но уже любил этот город, с тех пор как посмотрел «Таксиста» или, скажем, «Полуночного ковбоя». У нашего идола здесь была своя массовка, и все, кто отирался возле него, казалось, были отлиты из одной формы типа «Я-приехал-изучать-музыкальную-комедию». Они проводили в Нью-Йорке полгода или год, прежде чем вернуться обратно в Японию. Парадокс, но что крайне раздражало Мартышку, который обожал Нью-Йорк, так это то, что ему удавалось всех их так легко провести. Вот о чем я думал каждый вечер, и в этот вечер тоже, но тут я понял, что мне так не давало покоя.

Все из-за того типа, который заговорил со мной на улице. Того, который спрашивал меня о Ван Гоге. Тот, пожалуй, напротив, Нью-Йорк не любил. Всех посетителей этого ресторана легко можно было представить себе в этом городе: все они говорили о музыке, о джазе, живописи, недвижимости, инвестициях и, должно быть, считали себя настоящими ньюйоркцами. Но тот чудак – нет. Как вам сказать? У меня сложилось впечатление, что он как будто был отрезан от города, был за чертой, как Роберт Де Ниро в «Таксисте» или Дастин Хоффман в «Полуночном ковбое». Не знаю почему, но что-то не клеивалось, мне никак не удавалось ухватить, что же связывало его с этим городом.

* * *

Мне удалось отвязаться от Мартышки и продюсера только во втором часу ночи. Я взял такси, чтобы добраться до гостиницы. Мне хотелось только одного – снять с себя грязную одежду. Таксист был арабом. Он не знал, где находится Бауэри. Я несколько раз повторил ему адрес, пытаюсь менять произношение, чтобы он понял. Его же произношение было еще хуже, чем мое, как и его английский – совсем в зачаточном состоянии.

– Откуда вы? – спросил я его.

– Из Сирии, – ответил он.

Такси как раз проезжало по Пятой авеню, из люков водосточков вырывались клубы пара. Таксист перешел на свой язык и так и разговаривал сам с собой всю дорогу.

* * *

В конце ужина Мартышка заявил, что хочет пойти в ночной клуб, и, как обычно, мы с продюсером должны были его сопровождать. Именно мы двое, каждый вечер. А между тем в съемочной группе был Мартышкин агент, продюсер мелкой видеокomпании, оператор, звукооператор, два ассистента и еще некто вроде мальчика на побегушках, предоставленного в наше распоряжение киностудией, однако каждый вечер именно нас Мартышка просил сопровождать его в ночной клуб, джаз-бар или на дискотеку. Что продюсера – это еще можно понять, он жил в Нью-Йорке уже много лет, и потом, он был в некотором роде координатором съемок, но я никак не понимал, почему он хотел, чтобы с ними везде ходил и я. Я попытался выяснить это у продюсера, уловив момент, когда Мартышка вышел в туалет одного ночного клуба, где в тот вечер давали концерт «Вива сальса».

– А я откуда знаю! – перекрывая грохот музыки, заорал продюсер, который мечтал снимать трагедию в Нью-Йорке, но соглашался на самые незначительные предложения, для того чтобы как-нибудь прожить. – Наверное, потому, что у тебя вид не такой простецкий, как у остальных. Этому парню, Мартышке, ему ведь это очень важно, как ты думаешь?

Вернувшись в отель, я спросил о том же самого Мартышку:

- Вы ведь можете выбрать и кого-нибудь другого, правда?
- Что, достало мотаться со мной? – ответил он вопросом на вопрос.
- Да нет. – Я посмотрел на него: он едва доходил мне до подбородка.
- Я умею чувствовать людей, – прибавил он, – и мне не слишком охота проводить время с другими.

А между тем не скажешь, чтобы мне очень везло: совсем недавно я уволился из исследовательского института одной крупной инвестиционной компании и вскоре попал в эту среду. Когда же меня взяли по блату в эту продюсерскую фирму – на нее тогда работало человек двадцать, – работник отдела кадров, посмотрев мое резюме, предложил сектор распределения, но мне не хотелось просиживать штаны в офисе. Однако тридцатилетнего ассистента не так-то легко куда-нибудь пристроить.

- Так вы хотите работать за границей?

– Точно, все равно где, мне бы хотелось уехать. Далеко. Я семь лет проторчал в секторе «Африка—Средний Восток—Латинская Америка», проводя все дни перед компьютером или разбирая телеграммы.

«За границей? А почему именно за границей? Что это тебе вдруг взбрело? Что, все эти дела о странах повышенного риска подействовали?» – удивился один мой приятель по университету, когда я объявил ему, что нашел работу в продюсерской кинокомпании, так как хотел во что бы то ни стало работать за границей. Между тем я никогда не любил путешествовать. Даже не знаю почему. В сущности, не то чтобы я не любил путешествовать, но именно находиться за границей. Последние семь лет я провел, перечитывая депеши, кипами поставляемые компьютерами и телексами. До сих пор, стоило мне закрыть глаза, как тут же мой мозг напрягался и сознание наполнялось всякими информационными сообщениями, которыми я за это время напичкал себя.

* * *

Ноябрь 1986-го: события в странах повышенного риска на Ближнем Востоке. Решив свалить режим Хомейни, Массуд Раджави, главнокомандующий национальной армией освобождения Ирана, объявил, что собирается расширить партизанское движение и предвидит большие сдвиги уже через год. Министры иностранных дел Саудовской Аравии и Кувейта, желая добиться участия сирийского министра иностранных дел в посреднической миссии, призванной разрешить ирано-иракский конфликт, объявили о встрече в Дамаске. В соответствии с информацией, полученной из Бахрейна, иранские нефтяные доходы должны перестать расти и остановиться на отметке не выше триллиона двухсот миллионов риалов, бюджет понизится на триста шестнадцать процентов. Согласно информации пресс-агентства Исламской Республики Иран, самолет коммерческого рейса внутрииранских линий, Тегеран—Аббаз, развалившийся прямо в воздухе, якобы был сбит иракским истребителем, проникшим на иранскую территорию. Контракт на поставки учебных самолетов и истребителей за нефть был заключен между представителями британского и саудовского правительств. Министр финансов Ирана объявил о решении правительства урезать социальные расходы на пятнадцать процентов, чтобы временно покрыть снижение доходов от нефтепродаж. На римской конференции, где собрались главные производители нефти, было решено установить фиксированные цены на необработанную нефть кувейтских государственных компаний, ликвидировав заключенные ранее контракты между Европой и Дальним Востоком. Кооперативный совет Залива от лица министра финансов и министра иностранных дел Омана призывает мелкие иностранные объединения не вступать в ситуацию в Южном Йемене. По сообщению сирийского телевидения, находящаяся у власти партия Баас опять одержала верх на выборах в Законодательное собрание, получив

сто двадцать девять мест из ста девяносто пяти, то есть на десять мест больше, чем в прошлый раз; у коммунистической партии – девять мест...

Конечно, все эти сообщения не имели какого-либо исторического смысла, а лишь откладывались у меня в мозгу, как отпечатки пальцев, как нули и единицы в запоминающей системе ЭВМ. Я рассеянно думал обо всем этом, машинально доставая из кармана сигарету и закуривая, когда сирийский таксист вдруг заорал на своем невообразимом наречии, мешая английский с арабским:

– Непонятно, что ли? Не курить!

– Извините, – опешил я, выбросив горящий окурочек в окно такси. «Должно быть, он не знает, что четыре года назад партия Баас взяла еще больше мест в парламенте», – подумал я. Я никак не мог понять, как этот тип попал из Сирии в Нью-Йорк. И потом, с меня было довольно. Если бы я еще задержался в этом исследовательском институте, то сейчас, вероятно, проводил бы свои ночи, разрывая на мелкие кусочки телеграммы информационных агентств, касающиеся войны в Заливе. Я уже не помнил имен всех этих премьер-министров, но уверен, что компьютер должен был вбить мне их в голову, хотя он вряд ли мог объяснить мне, почему вдруг сириец стал таксистом в Нью-Йорке.

Таксист крыл меня по-всякому до самого Бауэри.

* * *

Под наполовину погнутым металлическим знаком, отмечающим въезд в квартал Бауэри, сидел тихий бомж, японец. Он расположился на некотором расстоянии от остальной группы бомжей, уже порядочно набравшихся, и не спеша лакал свою бутылку виски, прикладываясь к горлышку примерно раз в минуту. Он метнул на меня взгляд, который мог бы одновременно означать: «Ты не смог удержаться и не прийти!» или: «Что, так и не знаешь, а?» Я спросил, могу ли сесть рядом с ним, и он одобрительно кивнул, улыбаясь.

– Ну, что, догадался? – спросил бомж.

Я сразу понял, что он спрашивает меня насчет Ван Гога, и отвернулся, сказав, что у меня совсем не было времени над этим подумать.

– Так подумай сейчас.

Я призадумался. В самом деле, то, что я знал о Ближнем Востоке и Африке, естественно, ничем не могло мне помочь. Мне пришлось напрячься, чтобы вспомнить фильм, в котором Керк Дуглас играл Ван Гога, но это тоже ничего не дало. Я правда хотел бы ему ответить, но совершенно не знал, что. Бомжи, стоявшие и сидевшие вразвалку на противоположном тротуаре, почти не разговаривали между собой. В конце съемки я подошел с ними поздороваться, и все приветствовали меня рукопожатием, но руки у них были какие-то мягкие. Не то чтобы кости у них размягчились, но у меня осталось впечатление, что кожа на ладонях была дряблая, как кисель. На мгновение я даже испугался, что шмоток этого мяса, ладони, прилипнет к моей руке.

– Думаешь, это оттого, что он был тронутым? – опять спросил мой японец, подняв голову.

– Я в самом деле не знаю, – ответил я, вспоминая метод, которым мы пользовались, для того чтобы анализировать информацию, касающуюся стран повышенного риска. – Кроме Ван Гога полно сумасшедших, однако они не режут себе уши.

– Что ты думаешь о подобном подходе к решению проблемы? – спросил он, глотнув из бутылки. – Ты помнишь о том происшествии, пилоте японских авиалиний, который рухнул со всем базаром прямо в Токийский залив? Потом говорили, что это был стресс, но я полагаю, он страдал манией преследования. Потому что, как думаешь, что самое страшное для пилота? Точно: разбиться вместе с самолетом. Так вот, этот страх – всего лишь плод его воображения,

но он не может от этого отделаться, даже когда ест или сидит на унитазе. Доведенный до предела, он решит, что ему остается один лишь выход, догадываешься какой?

– Меня пробила дрожь.

– Разбиться вместе со своим самолетом.

– Точно, а там тебе уже ничего не надо. Как считаешь, может, с Ван Гогом случилось нечто вроде этого?

– Если это так, то почему он не выколол себе глаза? – спросил я.

– Очко в твою, – поздравил меня собеседник.

Затем, после некоторой паузы, я сам задал ему вопрос:

– Я хотел бы знать... могу ли я спросить, почему вы так живете? Вид у вас вполне нормальный, не скажешь, чтобы алкоголик в последней стадии или совсем конченный человек...

Он рассмеялся:

– «Я хотел бы знать, могу ли я спросить, почему...» Да ты ведь уже спросил... Вообщето это тебя не касается; а впрочем, слушай. Знаешь, я уже, наверное, полгода так не смеялся, – прибавил он. Это сложно понять, но я, пожалуй, попробую тебе объяснить. Вот, например, мы с тобой сейчас здесь мило беседуем, как будто даже понимаем друг друга, но предложи я тебе уйти отсюда, двинуть туда, где бухают, это место называется Коттедж, ты бы не смог пойти, и наоборот, скажи, пустят ли нас вдвоем куда-нибудь, в бар или в кафе, куда ты привык ходить? Все дело, видишь ли, в том, что мне плевать. Улавливаешь? Даже если это сложно просечь, я тебе скажу одно: мы здесь, потому что эта ваша жизнь нас утомила. Что до всего прочего, то позволь мне оставить это при себе. Ну ладно, мне пора, – сказал он, поднимаясь.

Мы пожали друг другу руки. У этого рука не была мягкая, как у остальных. Совсем уже собравшись уходить, он протянул мне клочок бумаги и сказал с загадочным видом:

– Смотри, только если будет время... Позвони по этому номеру, скажи, что от меня, и тебе дадут денег...

* * *

Когда я вернулся в отель, было три часа утра. Я переоделся в пижаму и уже чистил зубы, когда в дверь моего номера постучали. Я пошел взглянуть в глазок, кто там. За дверью стоял Мартышка.

– Ничего, если я зайду на минутку?

– У меня завтра съемка в восемь утра, – ответил я раздраженно.

– Извини. Я никак не могу уснуть.

Мартышка, казалось, был пьян и выглядел, прямо скажем, паршиво. Я предложил ему кресло. Это помещение было на удивление маленьким для одноместного номера в западном отеле, вдвоем здесь было не продохнуть.

– Немного пудры? – предложил Мартышка, сунув мне под нос маленький пакетик с белым порошком.

Я замотал головой.

– Ты против? – спросил он.

Я смотрел на него в упор, не отвечая, и лишь хотел, чтобы он побыстрее убрался из моего номера.

– А по тебе не скажешь!

Мартышка лукаво улыбнулся, и эта кривая улыбка не сходила с его лица, пока он осторожно высыпал кокаин металлической палочкой, похожей на фитиль для чистки ушей. Затем он залпом втянул носом бороздку. Мы сидели друг против друга – я на краешке кровати, Мартышка в кресле, при этом наши колени почти соприкасались – такой узкой была комната. Я

хотел поразмышлять над разговором, который состоялся у нас с бомжом, и присутствие Мартышки меня раздражало. На таком близком расстоянии дикие звери уже оскалились бы.

– Что, ходил прогуляться? – спросил Мартышка, подняв голову и продолжая шмыгать носом.

Я ничего не ответил, разве только взглядом, который ясно говорил: «Не понимаю, каким боком тебя это касается». Когда Мартышка заметил этот взгляд, на его лице появилось какое-то двусмысленное выражение, нечто вроде грустной улыбки, плохо скрывавшей его смущение. Стыд и бессилие... Ему явно было не по себе в присутствии того, кто тянет из него всю энергию.

– Ты вот... – с трудом проговорил Мартышка, – за словом в карман не полезешь, сразу чувствуется, что твои слова лезут не из головы, а из кишок, со всей желчью, какая там накопилась. Ты не из завистливых, так ведь?

– Не знаю, – ответил я. – Слушай, извини, но я хочу спать. У нас завтра уйма работы, и тебе лучше вернуться к себе.

– Извини, конечно, мне не следовало досаждать тебе, – вежливо сказал он, уставившись в пол.

Я не обладаю никакими сверхъестественными способностями, но в тот момент мне показалось, что над ним нависло что-то неопределенное и давящее, какое-то трагическое бессилие. Я даже поймал себя на том, что испытываю к нему своего рода симпатию. Я находился в Нью-Йорке, только что говорил с одним странным бомжом, и теперь вот составляю компанию идолу подростков, страдающему бессонницей. Ничего этого я раньше не знал, общаясь лишь с компьютером и телексом, и я наконец смирился. Мартышка взглянул на меня и улыбнулся, должно быть, почувствовав, что мое раздражение поутихло.

– Просто, знаешь, кроме тебя мне не с кем поговорить...

– Я, конечно, могу тебя выслушать, но не уверен, что смогу тебя понять.

– Не то чтобы меня что-то пугало, чтобы я боялся чего-то определенного. Я даже думаю, что я сильнее многих из моего поколения, я могу размышлять. Но я уверен, что ты, например, презираешь никчемного идола, которого мелкая продюсерская компания дергает за ниточки. Вот что я чувствую.

– Вовсе я тебя не презираю.

– Ну да. Презрение – это неподходящее слово, я не собираюсь плакаться в твою жилетку, не беспокойся. Иногда слова становятся загадочными, – прибавил он несколько смущенно, прежде чем опять начать улыбаться. – Прежде чем стать ассистентом дрессировщика обезьян, я какое-то время работал подносчиком в отеле люкс квартала Акасака. Конечно, гордиться тут нечем, но у меня осталось от того времени некое смутное чувство, от которого я никак не могу избавиться и о котором я ни с кем еще не говорил. Я родом из маленького поселка на Севере, ростом я не вышел, но зато умею быстро бегать. Мать моя была в некотором роде интеллектуалкой, что довольно редко для такого захолустья. Это была очень уверенная в себе женщина, она давала мне книги, заставляла меня слушать музыку. Она воспитала меня так, чтобы я не испытывал комплекса неполноценности, другими словами, чтобы не завидовал остальным. Когда я бросил учебу, один приятель рекомендовал меня в отель, и я начал там работать. Я не собирался долго задерживаться на этом месте, а между тем я быстро освоился и всегда умел ладить с клиентами. Знаешь, не следует думать, что простой подносчик – ничто! Я хочу сказать, что у него тоже есть своя индивидуальность, но он вынужден держать ее под униформой, и ты не поверишь, но это очень даже приятное чувство. Думаю, это похоже на временную необходимость быть чьим-нибудь рабом, понимаешь?

– Да, конечно, – ответил я. – Но если статус подносчика превалирует над личностью и положение, в котором ты вынужденно оказываешься, – это положение раба, то, вероятно, это же можно сказать и о других профессиях.

– Нет, вовсе нет. Я не превращаю это в экзистенциальный вопрос. Роль подносчика подразумевает и обязанности, которые ты должен выполнять, и это свойственно всем профессиям в мире. Если ты усвоишь несколько правил, эта работа окажется совсем не сложной. Правила эти копируют западные критерии общительности. Словом – прислуга, чего там! Если требуется, чтобы ты спрятал свою индивидуальность, это не значит, что ты превратился в робота. Но мне кажется – как бы это сказать? – что человек, пытающийся задушить свою индивидуальность, наделен неким странным эротизмом, конечно, это связано с состоянием подчинения или с чем-то в этом роде.

Глубокие слова. Я попытался представить себе Мартышку в униформе подносчика отеля, похожей на ту, в которую одеты военные музыканты. Подчинение, влекущее за собой эротизм. Я, кажется, смутно начал понимать, о чем он говорил. Но если он был прав, то какое тут подчинение у подносчика?

Я открыл холодильник и достал две бутылки «Короны», которые купил накануне в лавке на углу. Одну протянул Мартышке, выжав туда четвертинку зеленого лимона. Он поднял голову и взял пиво.

– Спасибо, – сказал он, шмыгнув носом. Потом внимательно посмотрел на меня.

– Ты все предусмотрел!

– Что?

– После кокаина нет ничего лучше, чем сухое шампанское или пиво «Корона». А с зеленым лимоном это еще и витамин С... – сказал он, прежде чем втянуть следующую бороздку, которую он только что осторожно высыпал с помощью все того же металлического ушного фитиля.

– Ты хочешь сказать, что у пива тогда лучше вкус? – спросил я.

Мартышка подтвердил:

– Порошок усиливает любое ощущение.

– И поэтому ты не можешь теперь глаз сомкнуть?

– Нет, это оттого, что я немного переборщил. При малых дозах проблем нет, – сказал он, протягивая мне пакетик и палочку. – Нужно сразу вдохнуть. Ты правда в первый раз?

«Интересно, у пива на самом деле улучшится вкус?» – думал я, разглядывая капельки жидкости, осевшие на стенках бутылки.

– Погоди. Если это правда в первый раз, тебе следует насыпать настоящую бороздку. Здесь тоже свой ритуал.

Мартышка вытер край низкого стола своим платком. Затем насыпал три небольшие горки, которые размял ребром кредитной карточки. Превратив кокаин в мельчайший порошок, Мартышка сделал из него две узкие полоски длиной в шесть-семь сантиметров и, вытащив из бумажника купюру в сто долларов, свернул ее в трубочку. Нагнувшись к полоске кокаина, он провел вдоль нее купюрой, вставленной в нос, затем обернулся ко мне.

– Одним залпом, усек? – спросил он, протягивая мне стодолларовую трубочку.

Впервые я имел дело с наркотиком. До этого я даже марихуану не пробовал курить. Когда обе полоски оказались у меня в носу, мне показалось, что в ноздрах загорелись и защелкали холодные бенгальские огни. Ощущение ледяного ожога, как от искусственного снега, ощущение, похожее на искру, вызывающую зажигание мотора. Затем по слизистой носоглотки распространилось успокаивающее чувство анестезии, которое через некоторое время расплзлось по всему телу.

– Ну, – засмеялся Мартышка, – теперь глотни немного пива.

Я отпил «Короны». Газы взорвались во рту, как настоящий ураган, обрушивающийся на иссохшую землю, и побежали дальше, возбуждая пищевод. Горечь хмеля, осевшая на нёбе и в желудке, оказалась приятной.

– Ну как? – спросил Мартышка.

– Вау! Здорово, – ответил я, и мы рассмеялись.

– Точно. Здорово! Это и есть наркотик...

Я закурил сигарету, опять же взятую у Мартышки. Глотнув дым, я почувствовал легкую тошноту, которая также не была мне неприятна. Я попытался вспомнить, как звали того типа, у которого вызывало тошноту созерцание ствола каштана. «Уверен, что это должен был быть герой одного из романов Сартра, вероятно, тот тип тоже нанюхался кокаину, и очень может быть, что его тошнота также не представляла собой ничего невыносимого», – подумал я своей слабой головой: порошок уже пропитал весь мозг и нервные окончания, добежавшие до самых пальцев ног. Мартышка продолжил свою исповедь:

– В первый раз я увидел кокаин в том самом отеле, где работал подносчиком, мне этого никогда не забыть. Тому парню, клиенту, было, должно быть, около двадцати пяти, это был композитор, он сочинял довольно оригинальную музыку. Смешай Моцарта с Бахом и раздели пополам, что-то вроде этого, мне очень нравилось. Он был достаточно известен в Европе, и ему постоянно заказывали музыку к фильмам. Ну и всегда при деньгах, понятное дело. Он разъезжал на своем «феррари» – тачка, которая стоила не знаю сколько миллионов, и всегда останавливался в апартаментах больше чем за сто тысяч иен за ночь. Жара стояла адская. Лето в тот год вообще выдалось страшно жаркое, а в этот день особенно, так что мы с сослуживцами даже держали пари: сколько доходяг сегодня очокурится. Композитор вызвал меня в самый жаркий час дня. Естественно, он позвал не именно меня, а просто подносчика, но подошла моя очередь.

– Так глупо получилось, – у него был расстроенный вид, – не могли бы вы сходить за моим ремнем, я оставил его в машине, – попросил он.

Стоянка отеля находилась в подвальном этаже, на заднем дворе. Я был весь в поту, и еще надо было отыскать его «феррари», туристическая модель с номером Йокогамы. В связке ключей, которую он мне дал, один был от «ягуара». Шикарная тачка оказалась на том самом месте, которое он мне указал, и вид у нее был весьма представительный, можно даже сказать, требовательный. Когда я открыл дверцу, на меня пахнуло кожей, которой был отделан салон, представлявший собой настоящую помойку: окурки сигарет, обрывки оберточной пленки от аудиокассет, какие-то клочки бумаги. Стекла тоже были не слишком чистые, и когда я увидел это, то почувствовал в богаче простого человека, такого же, как все. Мне вдруг стало значительно лучше, и я вытащил ремень из брюк от костюма, висевшего в машине. Костюм тоже был шикарный, такая вещь, к которой прикоснешься – и у тебя уже хорошее настроение; однако металлическая бляшка ремня оказалась немного заржавевшей и имела вид какого-то допотопного старья, что тоже мне очень понравилось. Я принес ремень в номер. Униформа липла к телу, пот катил с меня градом.

Я открыл нам по второй бутылке «Короны», затем совершенно спокойно насыпал себе новую бороздку порошка и смёл ее одним вдохом. И тут я понял одну вещь, которая, должно быть, представлялась вполне простой и естественной для того, кто уже имел привычку: наркотик – это, для начала, реальная штука. До сих пор единственное, что я знал о наркотиках, это то, что вне зависимости от их разновидности, когда они вступали в действие, вам начинала слышаться какая-то тибетская или марокканская музыка, перед глазами появлялся розовый слон или динозавр в перьях и пр. И последнее, о чем я не догадывался до приезда в Нью-Йорк: у «Короны» в самом деле вкус становился лучше!

– Спасибо, – поблагодарил композитор. Потом, видя, как я обливаюсь потом, он протянул мне кассету с записью своего нового альбома, сказав: – Послушайте немного, это еще не совсем смикшировано, так, проба.

Обмен, совершенно естественный, но такой целомудренный, как может показаться, как будто поблагодарить кого-нибудь за что-то, что тот сделал, было для этого человека совершенно нормальным, и потом эта его улыбка, после которой – уже всё. Улыбка, какой я никогда

уже больше не видел после той встречи, будто у человека до сих пор, со дня его рождения, не было возможности улыбнуться так широко и свободно. И вовсе не кассета, а улыбка этого человека – он был японец – потрясла меня. Я так хотел вновь его увидеть, что попросил всех моих сослуживцев послать меня помогать ему собираться при отъезде или если ему до этого что-нибудь понадобится. У меня были знакомые на контроле и в *room-service*¹. Примерно в час ночи мне сообщили, что он что-то заказал в номер. И вот я с пылающими, как у школьницы, щеками и бешено колотящимся сердцем, чуть не выпрыгивающим из грудной клетки, несусь к его апартаментам, катя впереди себя тележку с тремя бутылками шампанского».

Скоро я понял, что не только «Корона» была лучше. Я почувствовал, как во мне зарождается нечто невыразимое, несмотря на состояние отупения, в котором я находился, и чувство, что я сжег себе всю слизистую. Я ощущал необычное возбуждение, которое, казалось, безнадежно ищет способ как-либо проявить себя и мечется по моим нервным клеткам, словно пытается исследовать всю нервную систему сверху донизу. Подобно тому, как опавшие листья, разлагаясь на дне пруда, производят газы, и они поднимаются на поверхность мутными пузырьками. Это возбуждение овладело всеми моими умственными способностями, я снова протянул руку к пакетику с порошком, и именно после этой третьей дозы мне вдруг неотвратимо захотелось трахаться, и желание это было настолько сильным, что я не мог бы сравнить его ни с чем, что мне довелось испытать за все предыдущие тридцать лет. В горле у меня пересохло, стало трудно дышать, и все мое дыхание свелось к сухому хрипу. Я залпом опрокинул третью бутылку «Короны» и тут же ощутил, как все эти двести миллилитров бросились мне в яйца, прежде чем разлиться по всему телу. Мартышка все говорил:

– Три бутылки! Что-то тут было не так. Потому что, видишь ли, Миясита, это был «Дон Периньон» тысяча девятьсот шестьдесят седьмого года! Представляешь? В сто пятьдесят тысяч раз дороже, чем бутылка пива! Это было слишком для того, чтобы просто что-то отметить, и уж совсем чересчур, чтобы пить их одному. Я позвонил в дверь, и у меня как-то сразу возникло нехорошее предчувствие, которое тут же материализовалось в лице девицы с прямым и злобным взглядом, появившейся на пороге в голубых подвязках, чулках в сеточку и туфлях на шпильках. Рядом с ней стояла другая, в черном кружевном боди. Она смотрела на панораму Акасаки, прекрасный вид из апартаментов за сто тысяч иен. На маленьком столике уже были приготовлены бороздки кокаина. Композитор был в банном халате. Девицы приказали мне открыть бутылки и разлить шампанское по бокалам. Я сразу понял, что они собираются поиграть, и руки у меня невольно задрожали.

«Смотрите-ка, у него стоит!» – прогнусавила девица в голубых подвязках, лаская свои соски.

«Заткнись!» – прикрикнул на нее композитор. – Извините, эти девицы уже набрались и не соблюдают, что несут, простите их», – добавил он, опустив голову, и я успел заметить у него на лице точно такое же выражение, как тогда, когда я принес ему ремень.

В этот момент мною овладел запах, который носился в этой огромной комнате, – это был запах женских тел. Затем я спустился на свое рабочее место и разреvelся, чтобы хоть как-то унять желание, которое меня парализовало. Сейчас я знаю, почему я ревел, а тогда я был не в состоянии выразить это словами.

– Вот в двух словах моя история. Спасибо, что так терпеливо выслушал всю эту чушь, – сказал он, похлопав меня по плечу.

Я не знал, что ответить. Мартышка сунул пакетик с кокаином в карман моей пижамы и вышел из номера. Я тут же принялся мастурбировать, но чем сильнее было возбуждение, тем более вялым становился мой член. По щекам стекал пот и падал крупными каплями на пол. Тут я почувствовал жестокую боль в сердце. Я запаниковал и уже хотел было выбросить остатки

¹ Обслуживание номеров (англ.). – Здесь и далее при-меч. пер.

порошка в унитаз. Занимался день, а мне все никак не удавалось заснуть. Я снял трубку и позвонил другу в Японию. Этот разговор обо всем и ни о чем мне помог. Я немного успокоился.

На следующий день, будучи, правда, в совершенно разбитом состоянии, я сумел завершить свою работу; мой бомж-японец так и не появился.

Его не было видно и все последующие дни, вплоть до моего отъезда. Как обычно, я шатался с Мартышкой по ночным клубам и кабакам, однако тот ни словом не напомнил мне о том, что рассказал. Несомненно, возможность выговориться позволила ему перевернуть эту страницу. Для меня же здесь все только начиналось.

* * *

Я вернулся в Японию. Несмотря на сентябрь, все еще стояла удушающая жара, и у меня было такое впечатление, что листок бумаги вытягивает мой карман, как кусок железа: тот самый листок с номером телефона, который мне дал бомж, достававший меня с ухом Ван Гога. На этом клочке бумаги, казалось, выкристаллизовалось все то напряжение, которое я испытал в Нью-Йорке. Сразу же по приезде я хотел было позвонить в Нариту, но потом передумал из-за невообразимого шума на аэровокзале. Я поехал в офис проверить качество отснятого материала и надеялся позвонить оттуда, но бесконечное снование персонала меня разохотило. Когда я вернулся домой, было уже поздно, но спать мне не хотелось совершенно, вероятно, из-за разницы во времени. Я выпил пива, чтобы расслабиться. Номер телефона отпечатался у меня в памяти, хоть я и не пытался запомнить его. Я понял, что этот листок, лежавший на столе, полностью овладел мной.

«...Позвони по этому номеру, скажи, что от меня, и тебе дадут денег», – предложил бомж.

Я так и не понял, что он хотел этим сказать. Мне никак не удавалось уснуть. Много раз я уже собирался снять трубку, но вовремя себя одергивал: «Сейчас слишком поздно, позвонишь завтра».

Назавтра я услышал в трубке чей-то голос: «Меня нет дома, оставьте ваше сообщение...»

Я повесил трубку. Какое сообщение я мог оставить? На этом клочке бумаги не было ничего, кроме номера телефона. Конечно, я мог назваться, но, так как я был не в состоянии уточнить цель моего звонка, я просто нажал на рычаг, ничего не оставив на автоответчике. Голос был женский, невыразительный, голос, который вызвал во мне какое-то необъяснимое беспокойство, с которым я никак не мог справиться. Я позвонил в офис и сказал, что сегодня не приду, что у меня температура.

В голосе этом не было ни жесткости, ни холодности, но он, казалось, хотел предупредить, чтобы не оставляли бессодержательных сообщений. Хотя даже нет, здесь было что-то другое. Я много раз слышал чужие сообщения, мне приходилось попадать и на более сухие голоса, и на более резкие, но в голосе этой женщины было что-то неуловимое. Что? Сила. В любом учебнике по кибернетике написано, что сообщение – это необработанная информация, и информация прежде всего для того, кто ее получает, и во всех смыслах слова – призыв; голос же этой женщины категорически не допускал никакого взаимодействия. Голос был довольно высокий: ей, наверное, было между тридцатью и сорока. Я долго не мог понять, что напоминает мне этот голос: холодный ветер, резкий шквал, прорезающий джунгли, порыв, предвещающий приближение бури? Джунгли! Я немного преувеличиваю, но он напомнил мне именно шквал, который я ощутил, едва высадившись на Окинаве. Тяжелые серые тучи гнало с океана, и они в один момент затянули весь остров. Гигантская тень легла на пляж, прогнав сияющее солнце. Я побежал прятаться под деревья, и там-то как раз и почувствовал, как в спину мне ударил холодный ветер, прорезавший тропические заросли. Ветер холодный и колкий. Ветер сухой, тот, что влечет за собой ураганы, разрушительные наводнения. Большие капли дождя,

размером с ладонь, стали обрушиваться на землю. «Голос этой женщины был неким предупреждением», – думал я и не понимал, как это возможно, чтобы у нее был такой голос. Я попытался спокойно разобраться в ситуации. Я обладал информацией, а эта женщина была наделена некой независимостью, способной отвергнуть любую форму взаимодействия, она никогда ничего не просила для себя самой. Я хочу сказать, что женщина, ожидающая результатов конкурса или сообщения о месте и часе свидания, никогда бы не выразилась так, как она. Ничего профессионального, ничего, что имело бы отношение к домашней сфере. Я пытался подобрать точное определение. Несомненно, существовало какое-то специальное слово для того, чтобы определить тон этого голоса. Слово это было здесь, невидимое, будто прячущееся за пустыми клетками кроссворда в ожидании, когда его разоблачат. Упадок? Как будто близко, но не то. Грусть, одиночество... Это слово заключало в себе все эти оттенки, но... Что же это? Холодок пробежал у меня по спине, когда я наконец нашел его.

Отчаяние.

Это не было отчаяние, явившееся результатом экономического краха или социальной неудачи. Этот голос оставил во мне то же смутное впечатление, что и встреча с бомжом, который подошел ко мне и заговорил об ухе Ван Гога.

Мне удалось поговорить с этой женщиной уже в конце дня.

– Да.

Она не назвала своего имени, сняв трубку, и я тут же почувствовал капельку подозрительности и раздражения в ее голосе. Я вытер пот, который постоянно выступал у меня на ладонях.

– Кто говорит?

Я закрыл глаза и глубоко вдохнул, пытаясь таким образом сохранить спокойствие. Я представился и сказал, что работаю на одну продюсерскую видеокомпанию.

– Я недавно был в Нью-Йорке на съемках и там встретил одного человека, который дал мне этот номер.

Я почувствовал, что женщина как-то напряглась при слове «Нью-Йорк».

– Послушайте, я не совсем понимаю, что вы пытаетесь мне сказать.

Если до этого в ее манере говорить слышалось некое достоинство, то теперь ее голос вдруг стал резким. Вероятно, я слишком нафантазировал себе, услышав голос в автоответчике. Через трубку мне отчетливо передавалось напряжение и раздражение моей собеседницы.

– Я тоже не совсем понял, в чем дело. Этот человек почему-то заговорил со мной об ухе Ван Гога.

Я взял трубку в левую руку, чтобы вытереть потную правую ладонь о брюки.

– Ван Гога?

– Да. «Знаешь, почему Ван Гог отрезал себе ухо?» – спросил он у меня.

Женщина какое-то время молчала.

– Вы встретили этого человека в холле отеля «Плаза»?

Тон ее голоса изменился. Казалось, она что-то поняла.

– Нет, вовсе нет.

Мне хотелось рассказать ей, что я встретил его в задрюканном квартале алкоголиков Бауэри, что это был бомж и что я смутно запомнил его лицо, потому что у него была борода и длинные засаленные волосы, но я сдержался. По ее манере говорить, по той утонченности, которая слышалась в ее голосе, я почувствовал, что отель «Плаза» и бомжи Бауэри являлись для нее двумя совершенно разными мирами, находящимися на расстоянии многих световых лет друг от друга.

– Тогда, вероятнее всего, в баре «Роялтон хотел»?

– Нет.

– В его офисах? Если мне не изменяет память, это где-то в девятнадцатом квартале на Пятой авеню...

– Вовсе нет.

– Тогда где же? В итальянском ресторане «Сан-Доменико»?

– Нет, не там.

– Ах так! Я слышала, у него был загородный дом, да, в Восточном Гемпшире, там?

– Нет.

– Я думаю, этот человек – один из моих друзей. Но я не видела его уже больше года. Я даже послала объявление о розыске в японскую газету, которая там выходит, но безрезультатно. Я уже не надеялась когда-либо услышать о нем, но вот этот вопрос про Ван Гога, в этом он весь. Ошибки быть не может.

Я наконец понял, почему бомж сказал, что мне дадут денег, если я позвоню по этому номеру.

– Этот человек сказал, что мне дадут денег, если я вам позвоню. Я вовсе не прошу у вас ничего, но когда вы упомянули про объявление в газете, я понял смысл его слов.

– Ах да! Точно, я и правда написала там, что заплачу за любую информацию. Я в самом деле готова отблагодарить вас. Знаете, ведь вы первый, кто с того времени заговорил о нем.

– Нет, спасибо, я звоню совсем не за этим.

– Значит, он прочитал объявление. Где вы его встретили?

Я должен был сказать ей правду. Какое-то время я молчал, но скоро это молчание стало невыносимым. И я сказал:

– В Бауэри.

И тут же услышал тихое, удивленное:

– Бауэри? Это там, где одно время был панк-клуб «СБЖБ»?

– Точно. Кстати, этот клуб до сих пор там.

– Ах так! Как странно! Когда-то этот человек не проявлял никакого интереса к подобным заведениям. И что же он там делал?

– Он был среди бомжей, одним из них, – не колеблясь ответил я.

На этот раз замолчала она, и я расслышал глубокий вздох. «Что вы говорите! Какое несчастье!» – думается, она сказала именно это. Затем она разрыдалась и пробубнила между двумя всхлипываниями:

– Все из-за этой девки... этой девки...

Я не знал, что говорить, и лишь чувствовал, что сердце мое бьется так сильно, что готово выскочить из груди. Я прижал трубку к уху и ждал, пока она успокоится. Я вдруг ощутил невыразимую грусть, слушая, как плачет эта женщина. В памяти у меня возник взгляд того бомжа и его силуэт вдалеке. Может быть, между ними что-то было, между этим мужчиной и этой женщиной, которую я слышал сейчас на другом конце линии. Чувство бесконечной тоски вырывалось откуда-то из глубин меня самого, как мутные пузырьки, прокалывающие поверхность стоячей воды. Чувство это вовсе не походило на сострадание, которое может овладеть вами, когда вы слушаете ребенка, потерявшего родителей; голос этой женщины и картины, сохранившиеся в моей памяти от Нью-Йорка, составляли странное единство, природу которого я никак не мог постичь. Изменение, смешение чувств? Нет, эту тоску я чувствовал у себя в груди, в животе, она походила на маленького звереныша. Как будто вы вдруг сообразили, что хирург оставил у вас внутри инструмент после операции.

Женщина немного успокоилась; тихонько шмыгая носом, сказала:

– Вы знаете, почему этот человек выбрал именно вас?

– Нет.

– Вы согласитесь выслушать нашу историю?

– Да, – ответил я, в то время как мое второе «Я» кричало мне: «Стой!», то «Я», которое выбросило в унитаз остатки кокаина, оставленного мне Мартышкой. «Остановись! Не вмешивайся ты в эту историю!»

– Он выбрал вас, и вы, несомненно, чем-то отличаетесь от всех остальных. Я хотела бы побольше услышать о нем от вас, а также рассказать нашу историю. Однако есть одно «но». Я знаю, что не имею никакого права ставить вам какие-либо условия. К тому же я не уверена, что вы меня поймете, но я нахожусь в таком положении, которое обязывает меня действовать с некоторыми предосторожностями... скажем... социального порядка и... как бы это сказать... относительного... даже философского.

«Да, да, я понимаю», – чуть было не ответил я. Я пока еще ничего не знал об этой женщине, но эта ее манера выражаться, такая неспешная, имела непреодолимую силу внушения. То, как внимательно она подбирала слова, как изменялся ее голос от редких всхлипываний... Я незамедлительно почувствовал, что ей нельзя было сказать «да, я понимаю», она бы сразу повесила трубку.

– Я бы попросила вас зайти ко мне попозже, после того, как один человек кое-что передаст вам и вы используете это так, как он вам скажет. Я его предупрежу. Сейчас я дам вам его имя и адрес.

Я записал имя и адрес.

– Я жду вашего звонка, – сказала она, прежде чем повесить трубку.

Адрес был странный, а имя и подавно. Контора инженера по звуку была расположена в одном из зданий квартала Аояма, самого же адресата звали Поросенок.

Табличка на стене указывала название конторы. Дом находился на улице, которая выходила на бульвар Аояма, и под углом примыкал к другому мрачному зданию, где располагалось строительное предприятие. Я нажал кнопку звонка рядом с вывеской «Staggio Heaven», и кто-то дрожащим голосом, похожим на хрип впавшего в детство старика или простуженного младенца, спросил:

– Кто там?

– Меня зовут Миясита.

Металлический звук известил меня о том, что стеклянная дверь открыта, – она открылась передо мной автоматически. На стене, отделанной разноцветной плиткой, было множество других табличек, среди которых можно было заметить, например, вывеску пошивочного ателье, офиса агента знаменитого актера, фотостудии и предприятия по производству керамических изделий в Каназаве. Плиты были розового, оранжевого, ядовито-зеленого цветов, и я подумал, что это вполне может подходить тому, кого зовут Поросенок, хотя я и не понимал, откуда у него такое странное имя.

В небольшом холле, куда вела автоматическая дверь, располагался контроль. У меня опять спросили имя и цель моего визита – вероятно, служащий охранной компании, но без униформы. И это была вовсе не обычная тихая и услужливая консьержка, а какой-то старик в сером костюме отличного покроя. «Благоволите подняться на лифте на третий этаж», – сказал он мне, прежде чем опять исчезнуть за своим компьютером и продолжить стучать по клавишам. Я взглянул на экран, однако мне так и не удалось понять, вводил ли он данные, касающиеся охранной системы, или свою личную информацию. Пальцы его бегали по клавиатуре быстро и уверенно. Исследовательский институт, где я работал раньше, наверняка мог бы предложить ему хорошую зарплату программиста. Странно, что такой человек служил простым вахтером в этом здании.

В лифте вместо кнопок, указывающих этаж, были замки. Таким образом, лифтом мог воспользоваться лишь тот, у кого был ключ. Вахтер, должно быть, запрограммировал лифт специально для меня. На нужном этаже двери лифта открылись, выпуская в просторное помещение, где меня уже встречал Поросенок. Он устремился ко мне через весь зал, площадь которого

была не меньше двухсот квадратных метров; пол, похоже, был выложен подогнанными пластмассовыми пластинами непонятного полупрозрачного цвета. За исключением того места, где должна была находиться гостиная с верхним освещением, во всех остальных частях помещения царил полумрак. Я заметил электронно-акустическое оборудование и инструменты: добра этого здесь было на много миллионов иен, а также в самом центре комнаты, на почетном месте, – три компьютера «Apple Mother III», такие в Японии можно было пересчитать по пальцам.

– Меня предупредили о вашем посещении, и я вас ждал.

Поросенок был человечком маленького роста и с такой бледной кожей, что на его прозрачном лице я мог ясно различить всю систему кровеносных сосудов. Маленькие ручки, короткие ножки, круглое брюшко – внешность, которая не оставила бы равнодушным Феллини: тот, несомненно, пригласил бы его сниматься в каком-нибудь своем фильме. У него была едва заметная киста под ухом, волосы острижены до того коротко, что просвечивала кожа черепа, и невероятно маленькие глазки, рот и нос. Поросенку было лет под тридцать, если судить по его коже. Говорил он тем самым тонким и дрожащим, почти блеющим голосом, который я услышал в домофоне, при этом лицо его не отражало никаких эмоций: они прятались где-то глубоко, под слоем мяса на шее и щеках. Он предложил мне стул, который, вероятно, стоил целое состояние, – итальянская мебель в стиле постмодерн. Затем он приготовил мне чай на травах. Я уже видел такие чашки у директора исследовательского института, где раньше работал. «Саксонский фарфор. Двадцать тысяч долларов, на шесть персон, чай хороший», – с гордостью объявил мне тогда директор. Ботинки и футболка на нем, казалось, были неснашиваемые, куплены на годы, однако у вас не оставалось сомнения, что этот друг – ходячий мешок с деньгами.

– Я хотел бы... для начала я хотел бы уточнить, как мне к вам обращаться? – спросил я. Я бы никогда не смог называть его Поросенком, даже если бы мне за это заплатили.

– Делайте, как она вам сказала, зовите меня Поросенком.

– Но мы незнакомы, я так не могу.

– В любом случае это не имеет никакого значения, – тихо проговорил Поросенок все так же, не меняя выражения лица, разве только губы его немного дрогнули. – У вас есть девушка? – спросил он, шумно отхлебывая чай. Я не ответил. – Если вы мне не ответите, я не смогу отдать вам товар.

– Что вы имеете в виду? Девушка, с которой я был бы помолвлен, невеста?

Поросенок выпрямился и нетерпеливо заерзал в кресле.

– Ну, как вам сказать? – так же тихо ответил он. Потом, немного помолчав, сказал: – Товар, видите ли... речь идет о таблетках – я могу свободно с вами об этом говорить, потому что вас послала она, – это экстази.

Что-то внутри меня запротестовало.

– Швейцарского производства. Экстази – это некоторого рода препарат, вызывающий эйфорию и используемый, в частности, для преодоления аутизма, запрещенный три года назад в Штатах и в прошлом году в Японии.

– Запрещенный?

– Это наркотик. Разве она не просила вас не приходить к ней сразу, а переждать некоторое время после того, как вы его попробуете? «...Спустя некоторое время после того, как один человек кое-что передаст вам и вы используете это так, как он вам укажет», – так сказала женщина.

– Я не слишком хорошо понял, – промямлил я.

– Я очень занятой человек, решайте скорее, – отрезал Поросенок. – Знайте, однако, что, если я вынужден буду сказать ей, что от одного упоминания о наркотике вам сделалось дурно, она меня прижмет, а мне не хотелось бы доводить до такой крайности, понимаете?

Поросенок скинул свои ботинки, и оказалось, что они были надеты на босу ногу. Пальцы его походили на маленьких копошащихся слизняков. Они, несомненно, передавали все раздражение своего хозяина. Поросенок был из тех, кто выражает свои эмоции пальцами ног.

– Кто эта женщина? – спросил я, чтобы сменить тему.

– Я не могу сказать вам ничего конкретного; имя, которым она меня наградила, могло бы дать возможность составить о ней некое общее представление, не правда ли? Она для нас – причем во всех смыслах этого слова – *Queen*. Когда я говорю «мы», я не подразумеваю под этим всех сексуальных извращенцев: она *Королева* всякого рода очень разных и необычных людей. Рядом с ней все эти Хибари Мисора и Ямагучи Момое – просто дерьмо.

– Вы хотите сказать, что она певица?

– Вы совсем не там ищете. Я не говорил вам, что она известна или, скажем, обладает какой-то властью. Это не просто какая-то там женщина, перед которой угодливо заискивают толпы презренных дебилов, это Повелительница, которую мы уважаем и перед которой простираемся ниц.

– Садомазохисты?

– Разве я не говорил вам, что речь здесь не только об этом? – поправил Поросенок, слегка повысив голос. Он почесал свой вспотевший подбородок, будучи уже в несколько возбужденном состоянии. – Эту женщину – как мне представляется – сегодняшняя Япония должна бы обожать и почитать. Она не простила бы мне, если бы слышала это, но я говорю так, чтобы вы лучше смогли ее понять, пусть даже не до конца. Мне было бы крайне неприятно, если бы у вас сложилось о ней негативное представление, ведь вы ее совершенно не знаете. Это необыкновенная, громадная личность, вы понимаете?

– Думаю, да, – сказал я извиняющимся тоном. Поросенок был весь в поту, пальцы его ног нервно шевелились. – Хорошо, я возьму таблетки, но я хотел бы знать, почему вы спросили, есть ли у меня девушка?

– Потому что экстази – это вещество, стимулирующее сексуальное желание, доводящее его до предела, – объявил Поросенок, пытаясь унять буйное шевеление своих пальцев.

* * *

Выходя из здания, я оглянулся на старика-вахтера. Тот все так же сидел, не отрываясь, за своим компьютером. Он не поднял головы ни когда стеклянная дверь открылась, пропуская меня, ни когда она захлопнулась за мной. Естественно, ему нечего было спрашивать у того, кто уходил.

Я положил две таблетки, которые мне дал Поросенок, в правый карман. Под этой пластиковой упаковкой они выглядели как обычное, скажем, жаропонижающее, и к тому же помещались в коробочке, на которой были указаны название и адрес зубоврачебного кабинета. Чувство облегчения охватило меня, когда я вновь очутился на улице Аояма, освободившись от неприятного впечатления, которое производило все это здание в целом и личность Поросенка в частности. Солнце клонилось к западу, рубашка прилипла к спине, я был весь в поту и чувствовал себя неважно. Мне стоило встретиться с такими вот немного тронутыми личностями, чтобы понять, до какой степени сам я был нормальный. И тем не менее мне было плохо, я находился в том состоянии, в которое впадаешь после посещения больного, которому осталось недолго, и ты это знаешь.

Мне хотелось пива. И еще надо было позвонить. Я вошел в какое-то кафе, выпил сразу полкружки разливного и только потом пришел в себя и задумался над тем, что же отличало Поросенка и эту женщину, с которой я недавно говорил по телефону. Поросенок не был до конца откровенен, все в нем вызывало некое недоумение, начиная с места, где он жил. Я чувствовал что-то странное и в голосе женщины, но эта странность каким-то образом отзывав-

лась во мне. Странность же Поросенка вызывала желание тут же убежать, скрыться как можно быстрее. Что же их отличало? Голос женщины нельзя было назвать обольстительным. С одной стороны, он выдавал мне лишь голую информацию, но с другой – я не мог не признать, что этот голос как будто раскрывал во мне какой-то код. «Примите таблетки с вашей подружкой, которой вы доверяете», – фраза Поросенка все еще звенела у меня в ушах. Он произнес ее своим угодливым голосом, который, казалось, прилип ко мне. «Если принять его, плотно поев, эффект будет небольшой и, кроме того, это может вызвать рвоту. В первый раз достаточно полтаблетки, но вы ничем не рискуете, если примете и целую. Натошак вы почувствуете результат уже через полчаса, проблема только в том, что потом вы уже не сможете взять в рот ни крошки, так что лучше сначала слегка перекусить, а потом уже принять препарат. Он начнет действовать через час, вы это поймете по расширившимся зрачкам. Никаких галлюцинаций, как после ЛСД, можете не волноваться».

Я листал страницы своей записной книжки, вспоминая снова и снова слова Поросенка, слова эти раздражали меня, как жвачка, прилипшая к волосам. Я должен был найти женщину. «Подружку, которой можно доверять», как говорил Поросенок. Я рассмеялся. Что же, он хотел подтрунить надо мной, предполагая, что у меня нет девушки? Подружка, которой можно доверять... а что, собственно, это значило? Разве бывают интимные друзья, которым нельзя доверять? Кому я мог предложить попробовать наркотик, действия которого и сам еще не знал? И потом, можно подумать, что у скромного служащего из провинции, живущего в новостройках, в спальном квартале, целый полк девушек, из которых он еще может выбирать! Последнюю женщину, с которой я переспал, звали Акеми Йокота, но я совсем не мог представить ее себе в роли моей подружки. Я встретил ее в отделе кожгалантереи в универмаге в то время, когда еще работал в исследовательском институте. Я искал дипломат тысяч за двадцать иен, Акеми Йокота подбирала сумочку в пределах тридцати тысяч. Она первая заговорила со мной: «В Италии вы нашли бы гораздо лучше и за меньшую цену». Посмотрев на нее, я хотел было ответить, что раз так, почему бы ей туда не поехать и не подобрать мне что-нибудь. Это была молодая женщина, которую недавно бросил женатый мужчина, одета она была, как обычный служащий офиса, и на безымянном пальце у нее не было кольца. Ей было где-то лет под тридцать пять, явно не урод, но, пожалуй, простовата.

– Ну, это долгая история! Я только что с работы... Да... внеурочные...

Мы оба в это воскресенье оказались в универмаге, каждый сам по себе – одни, ни семьи, ни друзей, ни любовников, – чтобы составить друг другу компанию, и под конец отправились вместе выпить кофе. «Есть один фильм, который я хотела бы посмотреть, – сказала Акеми Йокота тогда в кафе, таком маленьком и узком, что посетители едва не касались локтями сидевших за соседним столом. – Не какие-нибудь там *roadshow*²», – добавила она. На ней был сиреневый костюм, и она курила длинные сигареты, какие обычно курят хозяйки баров, неловко зажимая их между двумя пальцами. Название фильма было «Секс, выдумка и видео».

– Сегодня вечером? Ну что ж!.. Ты меня приглашаешь на ужин? Хорошо, тогда я хотела бы какую-нибудь экзотическую кухню, вьетнамскую или марокканскую...

Выйдя из кинотеатра, который находился в районе Иидабаши, мы зашли в бар одного из отелей, где принялись за коктейли на основе текилы, закусывая стеками с овощами и пиццей. Акеми не знала этого бармена. Потом она призналась мне, что часто приходила в этот бар со своими любовниками, в основном женатыми. Затем я проводил ее до дома – у нее была квартира на окраине района Сетагайя; в тот вечер она смахнула слезу, расстегивая свою кофточку, я поцеловал ее, потом взял на руки и отнес на кровать, возвышавшуюся в центре комнаты, – огромная полуторка, действительно необъятная.

² Гонки (англ.).

– Видишь ли, у меня сегодня встреча... Я не могу... правда, клянусь тебе... Ну ладно, только ради тебя, Миясита... Замужем? Я?.. Дурачок!.. Ах, вот как, бросил свою лавочку... и мне ничего не сказал?

С того вечера мы стали встречаться по субботам, мы занимались любовью, и мало-помалу я начал осознавать, что проникаюсь ее грустью, наша связь становилась все теснее, именно с Акеми я впервые кончил в рот. Акеми Йокота вскоре забыла свое недавнее амурное разочарование, с каждым разом получая в моих объятиях все более сильный оргазм. Она была старше меня на три года. «Я до сих пор не вышла замуж, потому что, как мне кажется, не встретила подходящего человека», – говорила эта женщина, которая в моих глазах стала чем-то вроде неизвестного символа. «Простовата» не совсем то слово для нее, хотя, уверен, в школе она не числилась среди первых. Но она обладала довольно редким в наши дни чувством меры, здравым смыслом, что ли, она умела отвергнуть то, что ей не подходило, улавливать малейшее притворство и удивляться невероятному разнообразию вещей. Пожалуй, именно это и заставило меня больше не встречаться с ней с того дня, как я ушел с прежней работы. Должно быть, я ее сильно обидел, я чувствовал это по тому, как звучал ее голос в трубке телефона. Но она, со своей стороны, тоже не слишком торопилась со мной увидеться.

* * *

Я с ностальгией вспомнил тот бар в отеле, где мы обычно встречались. С моей теперешней зарплатой напитки, блюда, которые там подавали, сама обстановка, дышавшая роскошью, были мне не по карману, но, представив себе сказочное время, которое я собирался провести с Акеми, я закрыл на это глаза. Это место было наполнено воспоминаниями. Бармен не забыл меня.

– Как обычно? – спросил он, прежде чем подать мне «Tio Pepe in the rocks».

Сколько, интересно, таких вот коктейлей выпил я за те полтора года, что встречался с Акеми Йокотой? До назначенного времени было еще полчаса, и я задумался над тем, что же толкало меня делать то, что я делал сейчас. Почему я не пошел сегодня на работу? Почему все, на что я не решался за мои тридцать лет, казалось, вдруг накатило на меня? Я не знал. Я не смог бы ничего возразить, если бы кто-нибудь из моих друзей сделал мне замечание. Он был бы прав. Я был совершенно нормальным, обыкновенным человеком. И в то же время я понимал, что слова эти – обыкновенные, нормальные – утрачивают свой смысл, когда ты находишься в определенном состоянии сознания. «Состояние сознания» также было неточным определением, речь здесь шла не о какой-то абсолютной вещи, но я не знал, с чем это можно было сравнить. Я мог составить себе представление о личности, например директора продюсерской видеокomпании, который меня нанял: сыночек богатого папаши, слегка безбашенный столичный мальчик, привыкший с детских лет разъезжать на «моргане». Я понимал ход мыслей и действий Мартышки, который дал мне попробовать кокаин в Нью-Йорке. Но я не мог понять ни бомжа, ни женщину, с которой говорил по телефону, ни Поросятку. И дело здесь было не в недостатке информации, их существование вовсе не представлялось мне вне реальности, но я никак не мог постичь критериев, которые заставляли их поступать определенным образом, и их психология оставалась для меня загадкой. Я чувствовал, что это не те люди, которых могла бы удовлетворить перспектива насладиться дорогим вином или прокатиться в спортивной итальянской машине. Я не имел ни малейшего представления, что могло бы заставить их прыгать от радости, как детей. Но отчего же я должен был чувствовать, что меня касается все это, чего я не понимаю? У меня отнюдь не создавалось впечатления, что мне скучно в этой жизни, и я вовсе не находил, что эти люди обладают каким-то особым магнетизмом, чтобы подминать под себя всех, кто к ним приближается.

На втором «Тю Рере» я вдруг подумал, что эта история странным образом напоминает сценарий одной видеоигры, каких сейчас расплодилось сотни тысяч по всей стране, игры смены ролей, по типу знаменитого «Dragon Quest»³. Вам предлагается самому создать свою историю. Надо сказать, что с кибернетической точки зрения все эти игры так или иначе воспроизводят одну и ту же модель – искателей сокровищ. Другими словами, везде одна и та же схема: А похищает Б. А убивает В и похищает Б; или: А заручается помощью Г, убивает В и похищает Б; или, скажем, А с помощью Г, Д и Е убивает В, обладая оружием Ж, которое помогает ему обезвредить заклинание З, и похищает Б. Версии могут изменяться до бесконечности, но идея остается все та же. Главное – вычислить А и сделать его слабым и незнающим, персонажем, который не понимает той роли, которая ему предназначена. Я думал об этом и уже стал задаваться вопросом, не попал ли я в какую-то нехорошую игру. Напрасно повторял я себе, что ничего не понимаю: стоило мне сделать малейшее умственное усилие, и я тут же осознавал, что то, чего я не понимал, было, собственно, формой возбуждения, которое охватывало меня и, не считаясь с моими желаниями, несло вперед, к тому, чего я не понимал.

– Давно ждешь? – спросила Акеми Йокота, приближаясь ко мне энергичным шагом, размахивая руками.

«Главное же, не пытайтесь снять незнакомку, напоив ее, с этим веществом вы можете натворить дел, – предупредил меня Поросянок. – Вас сразу же раскроют, к тому же этот наркотик может вызвать весьма существенные перепады настроения. Теперь представьте, что может произойти, если вы дадите его тому, кого совершенно не знаете и с кем не были близки... – Что же мне делать? Не кажется ли вам, что лучше сначала все объяснить человеку, чтобы он согласился это принять?»

– Что с тобой?

Я снова почувствовал, как во мне растет это возбуждение. У Акеми был тот же голос, то же выражение, как и всегда. Зайти в первый попавшийся ресторан экзотической кухни – вьетнамской, марокканской, пакистанской, Берега Слоновой Кости – какой угодно, набраться местных горячительных напитков до состояния нестояния, словом, в хлам, потом к ней, завалиться в постель, даже не принимая душа, не гася свет, черт с ним, облизывать ее всю, прогуливаясь языком по всему телу, и тут вытащить розовые таблетки, как будто только что вспомнил об их существовании: «Нет, я полный идиот, как я мог тебя оставить, как мог разочаровать? – Что это за таблетки? – Так, ерунда», – и вскрыть упаковку, проглотить и потом вставить ей так, чтобы из ушей полезло.

– Посмотри на себя, с тобой явно что-то творится.

Я чуть было не выложил ей все, но сдержался, опрокинув залпом остатки коктейля.

– Что ты скажешь насчет венгерской кухни? Я отыскал хороший ресторан в одном журнале и позвонил, столик уже заказан.

* * *

Ресторан находился не очень далеко от отеля. По дороге туда Акеми *в деталях* изложила мне, как восполняла мое отсутствие все эти восемь месяцев, с тех пор как я смылся.

– Теперь уже лучше... я даже могу идти рядом с тобой. Но, знаешь, поначалу было тяжело. У меня нет особого желания говорить с тобой об этом. Не хочу, чтобы ты чувствовал себя виноватым. Тебе бы это не понравилось, ведь так? К тому же мы никогда ничего друг другу не обещали, никаких там планов, с самого первого дня нашей встречи. Говорят, ты не отдаешь себе отчета в том, насколько важным для тебя становится человек, пока не потеряешь его. Для меня же все с самого начала было ясно: я только что пережила несчастную историю и решила:

³ «Поиски Дракона» (англ.).

больше никому не позволю ранить меня. Я сделала все возможное, чтобы не позволить тебе стать тем, кто действительно что-то для меня значит. Какая дура!

Я вышагивал рядом с ней, держа ее под руку, слушал и соглашался, не совсем понимая, с чем, собственно, я соглашаюсь, не в силах сказать ей, что она зря упрекала себя, что это я был идиотом, не в силах сделать что-либо, кроме как позволить запаху этой женщины, до сих пор влюбленной в меня, увлечь себя. Было начало девятого, и на улицах немного посвежело, легкий морской ветер обдувал башни Ниси-Синджуку, и поток неоновых огней рекламы создавал особую атмосферу, благоприятствующую любовным признаниям. Окна небоскреба отражались у нас в зрачках, как сотни прямоугольных лун.

– Когда я говорю, что ты кое-что значил для меня, я говорю это искренне. Я не хочу больше лгать самой себе. Я уже, знаешь, не так молода, и потом, я никогда не считала себя особо крепкой. Миясита, ты овладел мной... и, если хочешь, я даже собиралась ждать тебя. Прошло три месяца, четыре. Это становилось все невыносимее. Все началось, когда наступило лето, да, на деревьях вновь появились листья, это случилось в обеденный перерыв, я видела, как пары спорят о чем-то, девушки надели яркие свитера, все это меня страшно расстроило, у меня ноги подкашивались при одном взгляде на это оживление. Тогда-то я и поняла, что так больше продолжаться не может. У меня еще оставалось несколько дней отпуска, и я решила съездить к родителям, на остров Сикоку.

Акеми Йокота работала в одном крупном туристическом агентстве. Она начала с простой служащей офиса, затем, через три года, стала сопровождать группы, но потом, когда мы познакомились, опять перебралась в офис. Она оставила гидовское дело не потому, что была не способна выполнять эту работу, а потому, что быстро поняла: это не для нее. Она попросила своего начальника отправить ее обратно в офис. Акеми была не из тех женщин, которые ломают голову над трудными вопросами, она быстро нашла себе место в службе управления. С ее характером она была бы прекрасной домохозяйкой. Когда я сказал ей об этом, она долго смеялась: «Даже не знаю, лучше скажи, что мне так и не удалось найти кого-нибудь подходящего для этого...»

– Я пробыла там недели две. Из наших окон виден океан, кажется, я тебе уже об этом говорила. Но океан – это еще ладно. Самое тяжелое – это отец и мать, они, конечно, чтобы не расстраивать меня, не задавали никаких вопросов, не спрашивали, что происходит. Вот это было хуже всего. Мне тридцать три года! Я бы хотела, чтобы они заставили меня завести нормальную семью, чтобы оттащали меня за уши. Я уже начинаю сомневаться, не подумали ли они, что я собираюсь покончить с собой! Когда я, наконец, решила вернуться в Токио, не зная еще толком, что буду делать, я все-таки набрала два килограмма. И потом, в тот день, когда я вернулась на работу, да, кажется, это было в тот самый день, один человек, сотрудник из моего отдела, пригласил меня на ужин. Он один из моих сослуживцев-мужчин был в курсе моей прежней истории. И естественно, он тоже был женат.

Акеми Йокота никогда особо не распространялась насчет своей истории с тем человеком, который оставил ее незадолго до того, как она встретила меня. Она тогда просто сказала, что встречалась с женатым мужчиной и что у него были дети. Вот и все. В то время она еще работала гидом.

– Ха-ха-ха! Я сразу почувствовала, что на этот раз тоже все провалится. У этого нового в конторе была репутация человека начитанного, который стремится к самообразованию, короче, занудный женатик. Это правда, вначале я говорила с ним о моем бывшем, конечно, потому что он умел слушать, умел держать дистанцию... и вот, только вернувшись с Сикоку, запрятав сердце подальше, я вдруг поняла, что этому товарищу просто не терпится раскатать меня по полной... Кажется, есть такие, которых подобные истории заводят до предела!

Мошкара, которая в конце лета все еще носилась в воздухе, тучами собиралась в свете фонарей, стоящих ровными рядами между зданиями. Случалось, под одним фонарем их была

тьма, под другим – совсем немного. «Это, должно быть, зависит от числа самок», – подумал я. Слушая, как Акеми рассказывает о своем сослуживце, я испытывал жгучее чувство ревности, и мне не терпелось, чтобы мы уже поскорее добрались до этого ресторана. И в то же время я был признателен ей за то, что она не спрашивала, почему я позвонил ей сегодня. Наставления кибернетики были верными: желание может возникнуть только в присутствии объекта желания.

– Он специально потащил меня в какую-то забегаловку под мостом Симбаси, где продают куриные шашлыки. Надо заметить, что, кроме его галстука от Армани, у него, пожалуй, ничего и не было, и жил он в новостройках в районе Шиба. Не знаю, хотел ли он таким образом показать, что не ждет от меня ничего конкретного, или, напротив, это был с его стороны точный расчет. Потом он повел меня в бар «Роппонги», где бывает много людей из рекламного мира. Сначала он заказал виски, наверняка чистый солод, потому что в современных японских фильмах все герои только это и пьют. Я много выпила и быстро почувствовала, что настроение у меня – хуже некуда. Хотелось повеситься. Я его не хотела. – Акеми остановилась и, как ребенок, разрыдалась в мое плечо: – Только ты у меня, только ты, только ты, только ты... Потому что ты... Я поняла, что я не смогу дальше жить, если не буду тебя ждать.

Мы поцеловались, стоя в конусе желтого света, в первый раз спустя восемь месяцев. «Я люблю тебя», – сказал я Акеми. Никогда еще я не говорил ей ничего подобного. «Я знаю», – ответила она, вытирая слезы.

* * *

Мы заказали сперва суп из карпов с красным перцем, затем рагу из оленины и перепелов, венгерскую колбасу, все это обильно сдабривалось венгерским красным вином. Когда умолкла цыганская музыка, все эти восемь месяцев превратились в далекое воспоминание. «Акеми была еще очень даже привлекательной, несмотря на то что ей уже за тридцать... этот ее седой затылок, тонкая шея, начинающая немного расплываться фигура», – думал я, физически ощущая груз двух таблеток, которые оттягивали мой карман. Мы завершили трапезу двумя стаканами шнапса, крепкого прозрачного алкогольного напитка германского производства.

– Слушай... – начал я. – Я тебе уже рассказал в двух словах, что работаю сейчас в одной видеокомпании, которая занимается главным образом распространением, но они еще и немного снимают...

– Да, и я сказала, что такая работа тебе как раз и подходит, – перебила Акеми. Щеки ее порозовели, глаза блестели, губы были слегка влажные. Подружка, которой можно доверять...

– Я принимал участие в трех съемках. В первый раз это был фильм о заштатном актере-ишке, которого раскручивают до ранга поп-звезды, снимали мальчишку четырнадцати лет. Это потом довольно хорошо продавалось. Второй был про психотерапевта, который оказался *pending*...

– А что это такое?

– Это такая форма психотерапии, очень популярная в Соединенных Штатах, практикуемая также и в Японии. Я работал над документальным фильмом.

– Спиритизм или что-нибудь в этом роде?

– Нет, нет, что ты.

– Ты меня напугал! Я всего этого не переносу.

– Они применяют наркотик.

– Наркотик? Какой именно?

– Наркотик, который освобождает сердце. Под его действием люди начинают рассказывать то, что до сих пор держали в себе. Говорят еще, что он вызывает сексуальное влечение,

хотя некоторые полагают, что это всего лишь некая разновидность плацебо. В Японии его очень трудно достать.

– У тебя есть? Дай мне немного...

Я высыпал обе розовые таблетки на ладонь.

– Горькое, – поморщилась Акеми, первой проглотив таблетку.

* * *

– Ну и что это такое? Я, например, ничего не чувствую... – объявила Акеми, оказавшись в потоке электрического света. Мы как раз вошли в одно кафе, покинув венгерский ресторан. Несколько будоражащая обстановка этого места чем-то напоминала восточное побережье Соединенных Штатов, неоновые огни разделили лицо Акеми на две части – зеленую и розовую.

– Я тоже ничего. Никакого эффекта.

Мне в конце концов удалось снять номер с большой кроватью, после того как я обзвонил практически все *city hotels*⁴ в Токио. Я еще подумал тогда, что гораздо предпочтительнее находиться в нейтральной обстановке гостиницы, если принял такое сильнодействующее средство... Однако все отели поблизости оказались переполнены. Оставались лишь номера в заведениях второго класса. Я знал одного малого, который работал ночным портье в отеле люкс в Акасаке, и это благодаря ему мне удалось-таки заполучить этот номер, с которого только что сняли бронь. «Да, приятель, если ты рассчитываешь получить номер, щелкнув пальцами, тебе лучше сразу обратиться в *business hotel*... Потому что, если тебе нужен номер в приличном отеле в пятницу вечером на двоих, тебе следовало забронировать его за полгода, не меньше, а иначе и надеяться не на что. А в рождественскую ночь и вовсе за год бронировать надо, точно тебе говорю!» – он счел себя обязанным разъяснить мне ситуацию. Всем, оказывается, приспичило трахаться именно в нейтральной обстановке.

– «Открыть свое сердце» – что это значит?

Я пожал плечами:

– Понятия не имею, я сам это в первый раз принимаю.

– Миясита! Может, тебя надули?

– Гм! Очень даже может быть, – сказал я, залпом осушив свой стакан виски «on the rocks», и выражение, появившееся у меня на лице, должно быть, можно было принять за удовлетворение.

«Если только оно не действует на нормальных людей, а может, доза оказалась недостаточной?» – размышлял я про себя, когда Акеми вдруг спросила, нахмурившись:

– Ты не находишь, что здесь слишком шумно? Я никак не могу сосредоточиться.

Я попросил счет у официанта, который как раз подошел справиться, не хотим ли мы чего-нибудь еще.

– Слушай, может, пойдем уже в отель?

Каков был механизм сексуального желания? Я не чувствовал ничего особенного, кроме своего тела, отягощенного смешавшимися у меня в желудке венгерским вином, шнапсом и виски, и пребывал в состоянии какого-то оцепенения, которое, казалось, рассеивало мое разочарование оттого, что я не ощущал никакого особого возбуждения. Внутри у меня как будто разворачивалась пустота, вытесняя весь поглощенный за этот вечер алкоголь. Я понял, что понемногу трезвею. Может, это перспектива переспать с Акеми после перерыва в восемь месяцев меня расхолодила? В баре были в основном молодые парочки лет по двадцать. Возраст их можно было определить главным образом по коже, гладкой и упругой. Они болтали без умолку

⁴ Городские отели (англ.).

и с удовлетворением поглощали отвратительную смесь картофеля фри и размороженного мяса. Я чувствовал, что Акеми все больше напрягается.

– Пойдем отсюда, а?

Зачем мы вообще завернули в этот бар? Наверное, принятый наркотик и ближайшая перспектива оказаться в отеле возбудили нас настолько, что мы потянулись на первые неоновые огни и взрывы смеха, доносившиеся оттуда. Лучше было бы выбрать место потише, какой-нибудь бар в районе Акасаки, где я забронировал номер.

– Тебе, кажется, не слишком охота оказаться со мной наедине, так?

Что же это такое? Мы уже готовы были поссориться, а никакого физического или психического действия наркотика все еще не наблюдалось. Я взглянул на часы: прошло уже сорок минут с тех пор, как мы приняли по таблетке. Лекарство от желудка уже начало бы действовать, средство от простуды уже вызвало бы некоторую сонливость. «Радуга в вашем сердце», – объявил тогда Поросянок. Радуга? Я не видел никакой радуги ни на затылке Акеми Йокоты, ни на стенах кафе, а может, она была столь же неразличима, как и мое опьянение? Молодежь принялась орать хором какую-то популярную песню, и голоса их усиливались громкоговорителями. Слова этой песни были явно не из литературного японского. Разгоряченные и пьяные посетители бара дергались под музыку, с лицами, пунцовыми от выпитого саке и проглоченной картошки с дешевым мясом, отсвечивая залаченными прядями черных волос, на которых отражались вспышки огней музыкального проигрывателя пятидесятых годов. Мне показалось, что пульс у меня участился, но это, несомненно, было связано со страхом перед неминуемо приближающимися упреками этой тридцатилетней женщины, моей спутницы. У Акеми на бедре был шрам, напоминающий пятно от красных чернил на промокашке.

– У тебя такое лицо... можно подумать, ты уже жалеешь, что грохнул столько денег, и все, что я тебе только что рассказала... тебе ведь просто смешно, а?

Положение ухудшалось. Акеми, которой, конечно же, очень хотелось упрекнуть меня за восемь месяцев моего отсутствия, находилась на грани истерики. Истерика! Слово показалось мне старомодным. Я чувствовал, что Акеми, переполняемая той самой энергией, которая рождается от безысходности, готова наброситься на меня с совершенно абсурдными обвинениями, наговорить неизвестно чего. Я не знал, как быть: она непременно накинулась бы на меня, если бы я продолжал молчать, но ответ я – это могло бы разозлить ее вдвойне. И первое и второе заранее утомляло меня. Конечно, лучше было промолчать в ответ на необоснованные обвинения, но дело в том, что я молчал уже довольно долго. Это пятно, след от шрама, величиной с монету в пятьсот иен, осталось от ожога лазером на месте родимого пятна. Я живо представил себе ситуацию: родимое пятно, приподнятое двумя длинными волосками, затем запах паленой свинины в момент облучения и наконец красное пятно. Я знал, что, раздевая ее, я не удержусь и спрошу, сколько мужчин у нее было за это время, и мне стало дурно. Всем, кто спал с ней до меня, нравилось это родимое пятно с двумя волосками, а те, кто будет после, вряд ли обратят внимание на этот оставшийся красноватый шрам; я один знал всю историю.

– Ну все, я ухожу!

Акеми поднялась, прошла к выходу, проталкиваясь сквозь толпу посетителей, которые все до одного были моложе ее лет на десять. У двери она обернулась ко мне, как бы говоря: «Так ты идешь или нет?» Я почувствовал, как на меня обратились взгляды раскрасневшихся студентов, в большинстве своем довольно пьяных. «Что за тип, не может послать подальше эту невзрачную дамочку», – казалось, говорили они. У официанта были лисьи глаза, и взгляд его пронзил ярость: не дав ему договорить, что с меня всего две тысячи восемьсот семьдесят одна иена, я сунул ему три тысячных банкноты и кинулся вслед за Акеми. Когда я выбрался наконец на улицу, Акеми стояла у края тротуара и ловила такси.

– Я... – прошептала она в такси, которое везло нас по району Йоцутани, – я никчемная, пустая... не только сейчас, с тобой, я всегда была такой, с самого рождения. Когда-то... видишь

ли... я тебе уже говорила, что я из города, который стоит на берегу океана? Когда-то, не знаю точно, когда, за нашим домом по краю холма тянулись мандариновые поля. От них доносился невероятный, изумительный запах, и в этом аромате расцветали каны, я... я... я все время говорила себе, что я пустая, глядя на океан, но почему? Почему? Почему?

Зрачки ее настолько расширились, что я не мог уже различить даже радужную оболочку. Глядя на нее, я вдруг вспомнил годы своей учебы в коллеже, курс пластических искусств, тот день, когда я чуть было не разрыдался, увидев впервые «Весну» Боттичелли. Сейчас я чувствовал то же самое. Огромная симпатия, столь резкая и пронзительная, что я уже готов был закрыть руками лицо, дрожал и стучал зубами. «Что-то произошло», – понял я, отводя взгляд от лица Акеми, пораженный и возбужденный до предела. Я попытался сконцентрировать внимание на городском пейзаже, разворачивавшемся за стеклами такси. Вдалеке я заметил наш отель. В каких-то окнах горел свет, в других уже погасили, все вместе было похоже на мозаику, приветствовавшую нас.

– Смотри, – сказал я Акеми, – смотри, как нас встречают!

Таксист взглянул на меня в зеркало заднего вида. Я улыбнулся ему. Он мне не ответил. Между тем я знал, что ему хочется улыбнуться, но по правилам этого, вероятно, делать было нельзя, если только он не решил вообще никогда в жизни не улыбаться после какого-нибудь несчастья с одним из его близких.

Я улыбнулся также и всему персоналу, выстроившемуся в приемной, пока заполнял карточку посетителя; дрожь в пальцах мешала мне четко написать мое имя и адрес. Переполняемый чувством глубокой признательности, я улыбнулся и основателю этого отеля, чей портрет висел над стойкой. Пока я бился над карточкой, Акеми держала за руку мальчика какой-то американской пары, которого она остановила, когда он бежал через холл. Она высыпала содержимое своей сумочки на пол и тщетно пыталась отыскать в этой куче что-то, что она хотела ему подарить. Кошелек с изображением Снуппи, тюбик губной помады, какие-то стеклянные флакончики. В лифт мы вошли вместе с какой-то пожилой четой, которые вежливо отказались от моего предложения поднести им чемодан. «Откуда вы? У Мексики колоссальный внешний долг, не правда ли? Ресторан в этом отеле очень дорогой, вам лучше пообедать завтра в „Макдоналдс“!» Они вышли раньше нас.

Очутившись одни в нашем номере, мы повалились, обнявшись, на кровать.

– Так странно, странно себя чувствую, – залепетала Акеми, расстегивая мою ширинку, чтобы высвободить член, который тут же стал твердым. Она взяла его в рот. Я сразу понял, что ее агрессивность прошла. Желание, которое я испытывал, не было похоже на волну, которая подняла меня, когда я попробовал кокаин, предложенный Мартышкой. Акеми попыталась освободиться от своей одежды сама, не выпуская мой член изо рта, при этом она не была похожа на собаку, сосунку или нимфоманку. Она стояла на четвереньках, задрав зад, промежность ее увлажнилась, но запах влаги, растекавшийся по бедрам, не тревожил меня. У меня было такое впечатление, что мы повисли в воздухе, на ладони у Бога, под стеклом микроскопа, на ковре-самолете, на паковой льдине. Я воображал себе тысячи мест, и все они представлялись бесконечно чистыми островками пространства, купающимися в мягкой влаге. Когда она прикасалась ко мне, кончики пальцев моих рук и ног немели, при этом раздавался какой-то приглушенный звук, мне казалось, что каждая моя клеточка вытягивается в струнку, а железы разбухают, выделяя влагу. Капля этой влаги, переполненная бесконечной нежностью и чистоты, заключала в себе всю теплоту, какой могло обладать человеческое существо или животное. Прорываясь, пузырьки этой влаги высвобождали теплоту, которая распространялась по поверхности тела, собираясь под верхним слоем кожи. Когда я вошел в Акеми, теплая слизь выступила наружу, тонкими прозрачными струйками разливаясь по ее влажному влагищу, жар, скопившийся у меня под кожей, вдруг бросился мне в вены и распространился по всей нервной системе, собравшись затем на конце моего пениса. «Как это возможно, чтобы этот

орган, доставлявший мне столько удовольствия, был частью меня?» – думал я, двигаясь все быстрее. Я уже готов был кончить. Мне казалось, что какие-то карлики или какие-то маленькие, едва различимые под микроскопом путти, расположившиеся вдоль вагины Акеми и с ног до головы покрытые ее клейкой влагой, улыбаясь, щекочут конец моего пениса. Много раз мой вулкан готов был извергнуть семя, но тут же волна отступала, я менял положение, раздвигал еще больше бедра женщины. Ее лицо исказилось, как фотография, которую, сначала смяв, потом разгладили. Мне казалось, что выражение ее лица меняется с каждым толчком моих почек. Я превратился в порыв ветра, раздувающий парус, или во что-то подобное. Если бы я мог заснять этот момент, сцена вышла бы неповторимая. Мы оба вспотели, пот пропитал покрывало, и когда Акеми попыталась прижаться ко мне, мы мягко съехали на пол, продолжая слизывать друг с друга пот и другие выделения, покрывавшие наши тела. Затем мы громко рассмеялись, прильнув друг к другу и мерно раскачиваясь. Я ласкал пальцем ее шрам на бедре, похожий на маленькое чернильное пятнышко.

– Это сокровище, которым обладаешь только ты, – сказал я ей, прикоснувшись к нему.

– Перестань, это всего лишь мой детский стыд, сконцентрированный в этом шраме, проделки непослушного ребенка! – ответила она, поморщившись.

Она проговорила это, склонившись надо мной, и струйка слюны, скопившейся в уголке ее рта, пролилась мне на лицо. Я собрал слюну свободной рукой – другой я ласкал ее шрам – и облизал пальцы.

– Скорее, это выражение, а не концентрация стыда, ты не находишь? – спросил я.

– Концентрация или выражение, во всяком случае, мне еще никогда не говорили ничего подобного, – ответила она, все теснее скользя своим животом по моему.

Смех вырывался из нее толчками, как будто она задыхалась, отчего вагина ее сжималась еще больше. Маленькие карлики или путти, едва различимые под микроскопом, зашекотали меня быстрее и тоже громко засмеялись. Внутри моего черепа, как песчинки на поверхности пустыни во время подземных толчков, маленькие черные крапинки покрыли вдруг мой мозг, они всё скапливались, всё сгущались и скоро превратились в кишашую тьму – «Тьму зимней ночи без звезд», – подумал я в тот момент, когда Акеми впала в транс, по животу ее пробежали судороги, а пальцы ног свело. Я продолжал одной рукой вытирать слюну, сочившуюся у нее из рта, а другой, оторвавшись от шрама, принялся растирать ей пальцы ног.

– Сейчас, сейчас все сделаем, – приговаривал я, массируя ей пальцы, отчего у меня вдруг возникло впечатление, что я раздвоился, что нас теперь двое – я и мой брат-близнец, или мой сын, который когда-нибудь у меня появится, я и мой ребенок, играющий со своим обожаемым концом, действуя при этом из лучших побуждений, будто бы для сохранения чего-то жизненно важного, для спасения всего мира и рода человеческого.

Я сказал это Акеми, но она уже больше ничего не слышала, она орала, с пеной у рта и полускрыв глаза, это был один монотонный звук, рвущийся к бесконечному.

– Акеми! Акеми! – звал я ее. Она наконец уловила мой голос и попыталась проглотить слюну. Ее влагалище сжалось еще плотнее, будто пытаясь всосать себя, и тут яркая вспышка пронзила мой мозг, погруженный в темную беззвездную зимнюю ночь, вспышка, рассыпавшаяся на тысячи других, подобно электрическому току, заполняющему неоновую лампу: я извергал себя по мере того, как поток света проникал в самые потаенные уголки моего черепа. Минут двадцать нас одолевали спазмы, и все это время я ласкал ее чернильное пятнышко, повторяя:

– Это сокровище, это сокровище.

– Я хочу, чтобы ты выслушал мою историю. Я хочу, чтобы ты выслушал мою историю.

Завязав на бедрах полотенце, Акеми стала набирать номер *room-service*. Она заказала шампанское и кока-колу, минеральную воду и пиво, яблочный сок и содовую. Первые три для себя, последние – для меня. Парень, который доставил нам заказ, был явно удивлен: «Это все для вас двоих?» – спросил он. Когда он вышел, мы оба рассмеялись, глядя на батарею стаканов,

выстроившихся перед рядом бутылок. И так как Акеми смеялась, струйка спермы вытекла, запачкав ей бедра.

– Мне так стыдно, – сказала она, вытираясь, прежде чем начать свою исповедь. – Ты слушаешь, да? Эта история очень важна для меня, правда.

Речь шла об одном эпизоде из ее детства, о том дне, когда она почувствовала сексуальное желание, глядя на океан, повернувшись спиной к холмам, засаженным мандаринами, где цвели еще и каны. Объектом этого желания был некий Дак Дэйкс. Он был контрабасистом в одной рок-группе и носил солнцезащитные очки «Рэй Бэн».

– Я никогда и никому об этом не рассказывала, никогда за все мои тридцать три года, никогда с самого рождения, никогда и никому, даже тому, с кем я была до встречи с тобой.

Затем она рассказала мне о связи, которая была у нее с этим женатым мужчиной. Он был дизайнером, рисовал модели драгоценных украшений и разъезжал на сером «ягуаре». Она до сих пор не понимала, почему он обратил на нее внимание: у него была жена, в прошлом манекенщица, дочь, похожая на мальчика, он носил кожаную куртку, какие можно найти только в Париже и которая была ему к лицу, и он кончал, стоило Акеми вставить ему палец в заднее отверстие. Слушая ее, я не испытывал ни малейшей ревности и улыбался. Я знал, что отныне я больше никогда не почувствую ревности. Потом я подумал об этой женщине, той, которой я должен был перезвонить. Я выполнил ее условие, принял этот наркотик. Я почувствовал, как на спине у меня выступил холодный пот. Зачем эта женщина дала нам наркотик?

Первые лучи солнца уже проникли в комнату, а мы все еще не могли заснуть, сосали, облизывали друг друга, тщетно пытаясь совокупиться еще раз. Когда Акеми, наконец, уснула, я все еще был возбужден. Я стал мастурбировать, но мой член все никак не вставал, и хотя я сжимал его все интенсивнее, я так и не кончил.

* * *

На следующий день я не пошел на работу. Акеми ушла утром с большими черными кругами под глазами, она поспала всего два часа. «Ты мне позвонишь, да? Позвонишь?» – напомнила она мне раз пятьдесят, прежде чем уйти.

Потом я проснулся от телефонного звонка уже за полдень, звонили с ресепшн: номер уже нужно было давным-давно освободить. Чувствовал я себя отвратительно. Я снял трубку и набрал номер.

– Да.

– Мое имя Миясита. Это я звонил вам вчера.

– Минутку, – сказала женщина и отошла выключить музыку. Музыка была странная. Нойз, наверное, или что-то берлинское. Я не очень в этом разбирался. В конторе, где я раньше работал, мои сослуживцы, те, что помоложе, не раз пытались приобщить меня к такой музыке, но напрасно.

– Что у вас? Наш знакомый принял вас как подобает?

Вне всякого сомнения, судя по голосу, ей было около тридцати. Голос этот мог принадлежать женщине, уверенной в себе и немного уставшей от жизни. Однако стала бы она в свои тридцать слушать нойз?

– Да, я взял товар и проверил его незамедлительно, вчера вечером.

– А вы времени даром не теряли! Только давайте не будем об этом по телефону, хорошо?

– Да, конечно, я понимаю.

– Итак, как мы поступим? Я могла бы освободиться, когда вам удобно, потому что, полагаю, вас ждет работа, не так ли?

– Вчера я не был на работе и, честно говоря, мы могли бы встретиться сегодня, если хотите.

– Мне очень жаль, но сегодня никак не получится, у меня другие дела. Однако нам надо увидеться как можно быстрее. Завтра, например, вы смогли бы?

Мы назначили встречу на следующий день. В три часа, в кафе отеля люкс в квартале Гинза. Значит, завтра я тоже на работе не появлюсь.

* * *

В конце дня ко мне явился коллега из конторы. Казалось, он обеспокоен. Ягуши работал в том же отделе, что и я; не то чтобы мы были близкими друзьями, однако шеф послал его справиться, что со мной.

– Тебе нездоровится? – спросил он, когда мы вошли в кафе, находившееся в доме, где я жил.

Ягуши был довольно вялый молодой человек, он носил длинные волосы и был лет на пять-шесть младше меня. Я проспал всю вторую половину дня и сейчас решил выпить горячего кофе. Ягуши, весь день проторчавший в темном и затхлом помещении, заказал себе пива.

– Да нет, не то чтобы, – ответил я, прежде чем выдать ему утку, которую заранее подготовил. – Мне нужно было доделать одно дело, отказаться я не мог, это отчет для моей прежней работы.

– А, ясно! А то шеф беспокоился. Даже подумал, не собираешься ли ты увольняться. Что, интересная была работа?

Ягуши говорил, постоянно запуская пальцы в свою шевелюру и обдавая меня при этом невыносимым запахом своего лосьона: какие-то цитрусовые – лимон или апельсин. Я недоумевал, кому могло прийти в голову назвать освежающим запах подобного рода. Я был уверен, что Акеми тоже не находила освежающими мандариновые рощи, когда смотрела на океан, сидя на пригорке и изнывая от желания к этому контрабасисту из рок-группы. Сегодня мне без конца снились какие-то сны. И я до сих пор хотел спать. Каждая клеточка моего тела, казалось, требовала еще немного отдыха. Должно быть, я переборщил с любовью, или же это действие препарата, а может, и того и другого.

– Ты не хочешь об этом говорить? – спросил наконец Ягуши; на верхней губе у него остались усы от пивной пены.

– О чем?

Лицо у него было невыразительное, а кожа грязная и пористая, покрытая угрями.

– Ты нашел новую работу? Не бойся, я шефу не скажу. Не хочешь со мной поделиться?

То, что хотел услышать Ягуши, заключалось, вероятно, в следующем: с появлением цифрового телевидения высшего порядка открывалась новая эра, революция, которая должна была привести к реструктуризации в области видеопродукции и ее распространения. Трудно двигаться дальше с современной системой видеоклубов, зарождалась новая концепция видеокинематографии, или *videomovie*, и уже ощущалась нехватка квалифицированных руководящих кадров, даже если японский рынок и не был достаточно широк, чтобы развиваться в этом направлении в течение продолжительного времени. С ростом иены число съемок за границей постоянно увеличивалось, съемок, в которых были заняты в основном люди типа Мартышки, не имевшие никакого таланта, но знавшие свое дело. Не то чтобы Ягуши был недоволен своим настоящим положением, просто он не терял надежды подыскать работу более интересную и, главное, лучше оплачиваемую.

– А чем бы ты хотел заниматься?

– Точно не знаю, что-нибудь в стиле Нью-Йорка, понимаешь? Не знаю, как объяснить, ну, скажем, работать с артистом в изгнании. Таким, например, как Михалевский, Ван Опен, Кучутолафуска, что-нибудь в этом роде.

«Что-нибудь в этом роде». Можно подумать, все вокруг знали, кто эти люди, имена которых он только что назвал.

– А если тебе самому уехать?

– Я не имею в виду столь упрощенный выход!

«Оказывается, бросить все и уехать в неизвестность – это упрощенный выход», – подумал я, но вслух ничего не сказал. Тот, кто накануне ночью выжал себя до последней капли спермы, должен был, вероятно, начать вдруг мыслить более открыто. Что, интересно, делает сейчас Акеми? Наверное, дрыхнет где-нибудь в состоянии, близком к каталепсии.

– Послушай, Миясита, тебе не кажется, что бросить какую-нибудь восточноевропейскую страну ради Нью-Йорка и бросить Японию – это совсем не одно и то же? Быть в изгнании – значит отказаться от своей страны, сохранив при этом некий долг перед ней, ведь есть еще ностальгия по родине, правда? Но вот я, например, в настоящий момент вряд ли смог бы испытывать нечто подобное по отношению к Токио.

Мне было интересно, откуда он взял эту речь, которую столь добросовестно сейчас мне выкладывал, как попугай.

– Ну так скажи мне, чем конкретно ты хотел бы заниматься?

– Чем конкретно я хотел бы заниматься? Вопрос не в этом. Как тебе сказать? Мне нравится творить, да, испытывать чувство, что ты что-то создаешь. Я обучался в школе фотографии. Многие мои друзья работают сейчас над собственными проектами: одни сопровождают маленькие группы рэгги на Ямайке, другие, пробравшись в среду Йокосуки, снимают *drag queens*⁵. Некоторые успели уже обрести известность. А я вот не тороплюсь, понимаешь?

Drag queens? Это еще что за штука? Какой-нибудь допинг? Розовая таблетка?..

– Я вижу, что ты размышляешь о многом... Скажи, ты когда-нибудь интересовался наркотиками?

Услышав мои слова, Ягуши как будто расстроился. Он, казалось, спрашивал себя, зачем теряет время, беседуя со старым идиотом, от которого он все равно не может получить сведений о подходящей работе. Я же думал о том, что он мог думать обо мне. Вероятно, шеф благоклонно отзывался обо мне, гордясь тем, что я пришел к ним из исследовательско-совещательного бюро, а не из независимой студии, какой-нибудь там ассистент съемок непонятно чего.

– Наркотиками? – пробормотал Ягуши будто сквозь сон. Говорят, что их употребление чем-то напоминает некую форму религиозности, и мне трудно поверить, что наркотики могут быть феноменом, скажем, моды. Лично я считаю, что они станут одним из ключей к пониманию двадцать первого века, не в смысле волны энтузиазма, поднятой движениями освобождения духа в шестидесятые, с их упрощенными и даже смехотворными лозунгами, но – как бы это сказать? – мне кажется, что если подойти к этому вопросу как к занятиям бегом трусцой или хождению под парусом, то перед нами, без сомнения, открылись бы новые перспективы.

Ягуши, закинув назад свою челку, выговаривал все это, как какой-нибудь ученик, пересказывающий сочинение другого. Он готов был мгновенно проглотить все что угодно и потом выложить все это, слово в слово. От собственного красноречия ему захотелось пить, и он как ни в чем не бывало заказал еще одно пиво. Интересно, платить за это придется мне?

– Ты уже пробовал? – спросил я.

Ягуши вдруг весь напрягся. Он оглянулся на другие столики и приложил палец к губам.

– Миясита! Ты не мог бы перестать задавать мне такие откровенные вопросы и говорить на подобную тему в общественном месте?

Мы сидели в обычном кафе, каких полно между Сетагайя и Шофу. Я знал, что оба официанта, работающие здесь, учатся в парикмахерской школе. Хозяин был добряк, который не инте-

⁵ Некое сексуальное направление: мужчины, изображающие женщин в жизни и на сцене, при этом очень редко меняющие пол (англ.).

ресовался ничем, кроме бейсбола и купли-продажи биржевых акций, и всегда готов был подать вам на редкость вонючий и вязкий *dry curry*⁶. Среди посетителей, оказавшихся здесь в этот час, было несколько коммерсантов, но в основном это были студенты технического лицея, располагавшегося по соседству, которые зимой и летом прилетали сюда на мотороллерах, набрасываясь на допотопные видеоигры. Мы могли хоть дюжину раз проорать во все горло слово «кокаин», не рискуя увидеть здесь полицейского. Почему Ягуши нравилось разыгрывать эту комедию? Отчего, стоило ему лишь раскрыть рот, как вы сразу понимали, что он всего лишь повторял уже где-то слышанное и делал это для того, чтобы убедиться в реальности услышанного?

– В наши дни в моде, скорее, стимуляторы.

Я выслушивал его все так же терпеливо, как будто даже проявляя интерес к своему молодому коллеге, который немного захмелел от выпитого пива и стал словоохотливей. Представим, что бывший коллега из исследовательского института, где ты раньше работал, кто-нибудь с довольно консервативными взглядами, попросил тебя набросать несколько слов на тему этого опасного мира, в котором мы живем. Наркотики являются настоящей проблемой для отсталых стран... Глядя на Ягуши, я представлял себе цыпленка, копошащегося у меня на ладони. Не помню точно когда, но я знал одного чудака, который выращивал цыпленка. Дрессировка состояла в том, чтобы давать ему зернышки на кончике бамбуковой палочки, тихонько глядя его при этом, чтобы он привык к вашему присутствию. Этот парень, должно быть, сначала вымачивал зерна в теплой воде, чтобы они немного размякли. Цыпленок к тому времени еще не совсем оперился, живот у него был почти прозрачный, поэтому можно было наблюдать, как проглоченные им зерна проникают в желудок и скапливаются там. К тому же цыпленок пока еще не мог переварить все зерна, которые проглотил, и так и выбрасывал их целыми вместе с пометом. Стоило лишь повторить эту операцию, чтобы цыпленок привык к вам и, перестав бояться, научился взбираться к вам на ладонь.

– Стимуляторы?

«Ягуши, как хорошо видны зернышки у тебя в желудке!»

– Миясита! Любая девчонка, побывавшая в хулиганской компании, поднимет тебя на смех с подобными размышлениями! Стимуляторы – это те же возбуждающие средства, как кокаин или амфетамины в Японии. Совсем недавно появилось еще экс. В периоды социального затишья в ходу слабые стимуляторы. А вот в кризисный период, скажем, война или конфликт какой-нибудь, скорее ударные: марихуана, опиум, героин. Сечешь?

– Ты, похоже, в этом спец!

«Ягуши, дружище, ты питаешься информацией!»

– А ты, Ягуши, ты что предпочитаешь?

– Вот так так! Миясита, ты что, из отдела по борьбе с наркотиками, шпик в штатском?

– Ты думаешь, спец по наркоте будет устраиваться в какую-то там студию видеофильмов?

– Конечно! – рассмеялся Ягуши. Смех клокотал у него в горле и свидетельствовал о довольно рудиментарной пищеварительной системе. – Может быть, тебе покажется, что это старо, но мне нравится ЛСД.

– И ты часто им балуешься?

– Нет, такое часто не принимают.

– А кокаин?

– Порошок – это просто игрушка почтенной публики! По мне, эти полосочки – низший уровень.

– «Каждый однажды находит наркотик, который ему подходит», – говорил Уильям Берроуз. Не то чтобы он был прав на сто процентов, но его слова не лишены смысла. Скажешь

⁶ Блюдо из риса с мясным или рыбным соусом (англ.).

шефу, что на меня свалилась срочная работа, отчет по Среднему Востоку, нужно срочно доделать, старый должок.

– А ты уверен, что это не исследование, касающееся рынка и экономики производства наркотиков в Центральной Америке? – настаивал он, выходя из кафе с покрасневшими от алкоголя щеками.

На столике остались три пустые бутылки. Ягу-ши два раза пробовал экстази, «экс», как он говорил. Как случилось так, что этот цыпленок, обожающий зернышки, оказался таким стреляным?

* * *

Отель находился на границе квартала Гинза. Трудно было назвать холлом это огромное помещение с одной лишь стойкой приема посетителей, за которой находились две девушки. Здесь царила атмосфера *happy few*⁷. В этот отель вряд ли приходили люди, добравшиеся сюда на метро с несколькими пересадками. Не видно было и такси. Я примчался весь в мыле, оказавшись у входа одновременно с серым «бентлеем», который плавно проследовал под навес, высадив чету лет сорока. Оба были одеты так, словно только что вышли из шикарного модного магазина; выражение некой меланхолии появилось у них на лицах, когда перед входом в это отделанное мрамором здание они незаметным жестом руки ответили на приветствие услужливого портье. Я только что позвонил из метро Акеми Йокоте. Она как раз собиралась уйти с работы. Она чувствовала себя неважно, уже успела побывать у врача, жаловалась на боли в низу живота, врач спросил ее, не принимала ли она чего-нибудь сильнодействующего. «Слушай, Миясита, у тебя есть еще? Смотри, не принимай без меня, ладно?»

До назначенной встречи оставалось еще около четверти часа. Я отправился в ванную смыть пот, кативший с меня градом; пол, стены, потолок – все было отделано мрамором. Я выкурил две сигареты. В кармане у меня по-прежнему болтался листок с номером телефона, который дал мне бомж, листок был совершенно измятый, и мне показалось, что я храню его как какой-то фетиш.

Чайный салон, куда меня направили, имел мало общего с кафе, находящимся в бельэтаже моего дома, где Ягуши лакал свое пиво. Число официанток намного превышало количество столиков, ни у одной из них не было крашенных волос или, скажем, желтых передничков с красными тесемками, завязанными на талии, передвигались они бесшумно, не производя того смачного скрипа губчатыми подошвами тапочек, потому что не носили их. Тысяча пятьсот иен – любой горячий напиток, с обязательным маленьким печеньем, две тысячи стакан свежевыжатого апельсинового сока, который вам подавали на подставке с колотым льдом. *Dry curry* в моей забегаловке стоил семьсот пятьдесят. Я взял один чай «Orange Рекое», который мне подали в чашке веджвудского фарфора. С назначенного времени прошло уже минут двадцать, однако никакой женщины, которая хоть приблизительно походила бы на ту, которую я ждал, не появилось. «Никого похожего», – пробормотал я, пытаюсь представить себе эту женщину. Я понял, что имел о ней довольно смутное представление – психологический портрет, составленный, так сказать, по голосу. Как она одевалась? Какая у нее могла быть прическа? Худенькая она была или, скорее, наоборот? Без понятия.

Одна из официанток в блузе с длинными рукавами, какие обычно носят пианистки или артистки, проскользнула между столиками, дернув маленький колокольчик и подав мне подносик с карточкой, на которой значилось: «Мистер Миясита». Я чуть было не вскинул руку, порываясь закричать, как ученик, который раньше остальных нашел ответ на вопрос, заданный учительницей, но сдержался и лишь улыбнулся, ограничившись незаметным жестом благодар-

⁷ Избранных (англ.).

ности, когда наши взгляды наконец встретились. Она протянула мне беспроводной телефон, грациозно поклонившись, причем так, словно собиралась расстегнуть мне ширинку, достать его и сделать мне приятное.

– Я сняла номер. Вы не могли бы подняться ко мне? – сказала женщина, назвав номер апартаментов.

Я постучал. Дверь открылась, и, думаю, я никогда не забуду лица, которое увидел в проеме. Я передумал и перечувствовал все на свете, прежде чем увидеть его. Я не знал, что испытаю сейчас, если, зная ее необыкновенный голос, увижу самое заурядное лицо, – облегчение или разочарование. Наверное, и то и другое вместе. Я почувствовал, что мой бешеный пульс понемногу падает. Женщина была немного худовата, выше меня ростом и не носила высоких каблуков. Одета она была в яркий костюм из гладкой материи, конечно же, хорошего качества, который сидел на ней превосходно, сшитый, естественно, на заказ. Кажется, это не было изделие какой-то известной марки, хотя я в этом деле пока не эксперт, однако у вас непременно складывалось впечатление шика и роскоши. Запах ее духов тоже был очень изысканный, мне показалось, что голос этой женщины, ее манера говорить – все в ней было, как костюм, «надето» специально. Волосы были коротко острижены, как у моделей в модных журналах. Она достала сигарету из бордового чехла крокодиловой кожи, какую-то коричневую, без фильтра, и затянулась, медленно выпуская дым. Правая щека у нее казалась немного припухшей. Накрашена она была лишь слегка, неброский цвет помады...

– Спасибо, что пришли. Меня зовут Катаока. Кейко Катаока.

Я никак не мог отвести глаз от ее лица, хотя она уже предложила мне кресло с широкими подлокотниками – вероятно, антиквариат.

– Это становится навязчивым, почему вы так смотрите на меня? Вы заставите меня покраснеть. Хотите чего-нибудь выпить? В холодильнике есть пиво, или, может быть, предложить вам виски? Я сама не пью. Налью себе чаю. А вы располагайтесь, прошу вас.

Я был потрясен еще сильнее, чем когда услышал ее по телефону. Она была гораздо моложе, чем я предполагал. Она села в кресло, положив ногу на ногу. Чем дольше я смотрел на эту женщину, медленно выпускавшую дым французской сигареты, тем сильнее становилась моя уверенность, что ей не больше двадцати пяти. У нее были маленькие и очень узкие глаза в форме полумесяца, которые она щурила время от времени очень сильно, вероятно, из-за близорукости. Подбородок был вылеплен восхитительно, плавно переходя в дуги щек. Я не заметил в этом лице ни малейшего высокомерия, напротив, видел одну лишь утонченность. Когда она говорила или меняла положение, ее лицо выражало бесконечное множество нюансов, дополнявших ее движения. Раздражение, грусть... стоило ей слегка нахмурить брови, и выражение ее лица едва заметно менялось. Это была не та женщина, которую можно увидеть на телевидении или на страницах журнала «Gravia», вряд ли вы столкнулись бы с ней, выходя из ресторана, где подают одно лишь вязкое *dry curry*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.